

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

**ИНОСТРАННЫЕ АВТОРЫ И ИСТОЧНИКИ О ГЕНОЦИДЕ
АРМЯНСКОГО НАРОДА В ТУРЦИИ И ОБ АРМЯНСКОМ ВОПРОСЕ**

Изданием книги Генриха Фирбюхера Академия наук Армении открывает новую серию: публикацию трудов иностранных авторов, а также документов и материалов, хранящихся в архивных фондах западноевропейских стран и США, о геноциде армянского народа в Османской империи и об армянском вопросе. Выражаем надежду, что публикации на уровне академического издания будут во многом способствовать правдивому и всестороннему освещению указанных проблем, представляющих ныне неоспоримое научно-политическое значение.

**ГЕНРИХ ФИРБЮХЕР
АРМЕНИЯ 1915**

Серия „Das andere Deutschland“
Издатели Гельмут Донат, Хорст Тиманн
и Лотар Виланд

HEINRICH VIERBÜCHER

WAS DIE KAISERLICHE REGIERUNG
DEN DEUTSCHEN UNTERTANEN VERSCHWIEGEN HAT

ARMENIEN 1915

DIE ABSCHLACHTUNG EINES KULTURVOLKES
DURCH DIE TÜRKEN

SCHRIFTENREIHE DAS ANDERE DEUTSCHLAND NR. 5

BREMEN 1987

ГЕНРИХ ФИРБЮХЕР

ЧТО СКРЫЛО КАЙЗЕРОВСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
ОТ НЕМЕЦКИХ ПОДДАННЫХ

АРМЕНИЯ 1915

УНИЧТОЖЕНИЕ ТУРЦИЕЙ
КУЛЬТУРНОГО НАРОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЕНИИ

ЕРЕВАН — 1991

Ответственный редактор
Вардгес Микаелян
Перевод с немецкого
Валентины Миналян

Фирбюхер Г.

Армения, 1915. Уничтожение Турцией культурного народа./[Отв. ред. В. А. Микаелян]; АН Армении.—Ер.: Изд-во АН Армении, 1991.—96 с., 2 л. ил.

Генрих Фирбюхер—один из выдающихся деятелей пацифистического движения в Германии 1920—30-х гг. Во время первой мировой войны он был переводчиком маршала Лимана фон Сандерса в Турции. Рассказ Г. Фирбюхера—это рассказ очевидца геноцида армян в Турции, и «самого большого организованного убийства» (Паул Рорбах), которое когда-либо видело человечество. Сообщаемые Фирбюхером сведения достоверны, и неслучайно то, что эта небольшая книга, впервые появившаяся в свет в 1930 г., выдержала три издания (последнее в 1986 г., Бремен).

Книга Г. Фирбюхера является серьезным обвинением в адрес тех кругов в Турции и за ее пределами, которые ныне пытаются «доказать» недоказуемое, будто никакого геноцида армян в Турции не было.

0504000000

Ф —————89—91
703(02)—91

ISBN 5—8080—0304—0

© Издательство АН Армении, 1991.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Издание на русском языке небольшой, но весьма содержательной работы Генриха Фирбюхера, весьма актуально как в научном, так и политическом смысле. Книга «Армения, 1915. Что скрыло кайзеровское правительство от немецких подданных. Уничтожение Турцией культурного народа»—вышла в свет в 1930 г. и впервые нашла признание в движении за мир Веймарской республики. Католическая газета «Rhein-Meinische Volkszeitung» в передовой статье¹ с высокой похвалой отозвалась о труде Г. Фирбюхера, а известный специалист по международному праву Ганс Веберг в научном журнале «Friedens Warte» опубликовал главу из этой книги—«Чертово ущелье»². Работа вызвала живейший интерес в общественных и военных кругах Германии, снискав «глубочайшее сочувствие» к армянскому народу в связи с его истреблением со стороны бывших союзников—турок³. Затем труд Г. Фирбюхера, как и «полагалось», в числе тысяч и тысяч книг авторов-гуманистов оказался в «черном списке» гестаповцев и подвергся уничтожению. В 80-х годах, когда усилиями прогрессивных деятелей в Западной Германии возрос интерес к геноциду армян в Турции, книга Г. Фирбюхера выдержала еще два издания (последнее—в 1987 г.).

Повествование Г. Фирбюхера достоверно, ибо его автор—очевидец событий геноцида армян в Турции в период первой мировой войны. Именно в достоверности фактов и выводов заключается сила книги Фирбюхера.

В блестящем «Послесловии» к книге и в комментариях, принадлежащих перу ее издателя Гельмута Доната, читатель найдет исчерпывающий ответ на вопрос, какой политической пози-

¹ См.: Послесловие, с. 74.

² См. там же.

³ Там же.

ции придерживался автор и каковы мотивы, побудившие его, прирожденного оратора и беззаветного борца за мир, взяться за правдивое описание чудовищной истории истребления целого народа, выявить причины и виновников этой страшной трагедии. Очевидно одно: свидетель событий и борец за мир Г. Фирбюхер считал себя обязанным обо всем увиденном оповестить мировую общественность.

В 1915 г. став переводчиком генерала Лимана фон Сандерса, Г. Фирбюхер волей судьбы оказался свидетелем армянской трагедии,—должность переводчика забрасывала его в различные районы и уголки Турции, т. е. гущу событий первого в истории человечества «самого большого организованного убийства» (П. Рорбах).

Можно смело утверждать, что до Г. Фирбюхера никто, пожалуй, так открыто и аргументированно не разоблачил коварную и преступную политику великих держав в вопросе геноцида армян, как это проделал он в настоящей работе. И это неслучайно: антифашисту Г. Фирбюхеру, выходцу из рабочей семьи социал-демократов, пацифисту и противнику всякого насилия и вла были чужды национальные ограничения и пангерманско-имперские интересы, шовинистическое влияние которых задело даже многих деятелей демократического крыла типа Наумана, Рорбаха, Экха и др. Впоследствии Г. Фирбюхер сам стал жертвой преследований гестапо.

В книге Г. Фирбюхера особенно суровый приговор вынесен правителям Оттоманской империи, младотуркам и правительству кайзеровской Германии: младотурки—непосредственные организаторы истребления армянского народа, а кайзеровское правительство Германии—их преступный сообщник и пособник. Этот приговор автора основан на неопровержимых доказательствах и по сему не вызывает никаких нареканий. Такой направленностью книга Г. Фирбюхера является серьезной пощечиной современным турецким фальсификаторам истории геноцида армян и их отдельным собратьям по перу на Западе, которые стараются свалить вину на жертв геноцида и отрицать сам факт истребления армянского народа. Этим горе-историкам и политикам будет очень нелегко ополчиться против книги Г. Фирбюхера: ведь ее автор не только очевидец, но к тому же и адъютант и переводчик генерала Лимана фон Сандерса, главы германской военной миссии в Турции в 1913—1918 гг., способствовавшей установлению военно-политического контроля Германии над Турцией в период войны, командующего 5-й турецкой армией (1915—1916 гг.), затем и группой турецких войск в Палестине (1917—1918 гг.). И повсюду Г. Фирбюхер был рядом с генералом фон

Сандерсом. И не только рядом с ним. Он был весьма сведущ в делах и других военно-политических турецких и немецких деятелей, например, маршала фон дер Гольца—этого «отца турецкой армии». Даже фон дер Гольц не удержался перед страшным зрелищем истребления армян и уже 22 ноября 1915 г. сообщил из Алеппо в Берлин: «На следующее утро проехали главный туннель и въехали в Северо-Сирийскую низменность. Здесь нашему взору представилось жалкое зрелище—бежавшие армяне, поселившиеся у южного подножия Тавра, пребывали в безграничном убожестве... Ужасающая трагедия целого народа. Тысячи и тысячи беззащитных людей шли навстречу неизвестной цели, без продовольствия, без снабжения. Многие умирали в пути, и их трупы лежали по обочинам дорог» (с. 61—62).

И действительно, современным борзописцам из пантюркистского лагеря нечего будет противопоставить правдивому рассказу Г. Фирбюхера. В случае с Фирбюхером они предпочитают хранить молчание. Так они поступили еще с его первой статьей «Жертвы Ближнего Востока», напечатанной в газете «Vorwärts» в 1920 г., центральном органе СДПГ. Выступая против «ада человеческого зверства», сотворенного турецкими погромщиками, Г. Фирбюхер писал о «потоках армянского горя, которые, протекая от Стамбула, Трапезунда, Сиваса и Эрзрума, превратились в грандиозно-страшную симфонию неслыханного страдания» (с. 78).

Г. Фирбюхер свою книгу начинает с критики и разоблачения немецких и пангерманских демократов. Это благодаря их протурецкой пропаганде в Германии в течение «всей войны никогда не имели ясного представления о степени участия Турции в происходящем. Разрисовывались и разукрашивались сказочные картины. Наша пресса,—пишет далее автор,—вся пишущая братия пыталась во всех вселить надежду на волшебное воздействие лампы Аладдина. Из Эчвера сделали Зигфрида, Талаат стал Бисмарком, и турки преподносились нам как народ, который со дня сотворения мира не имел более страстного желания, чем воевать рядом с немецким народом» (с. 23). Срывая маску с лица своих лжедемократов—Наумана, Рорбаха, Экха и др., автор далее показывает, кем же на самом деле были восхваляемые ими младотурки. Только по приказам Джемала «было применено так много насильственных актов, что их описание составило бы целые тома» (с. 28).

По справедливому замечанию Г. Фирбюхера, младотурецкая революция породила лишь власть диктатуры, в ней отсутствовала борьба за идеи, младотурки боролись не за народ, а за удов-

летворение страстного желания отдельных людей властвовать и вместо одного тирана «пришла власть устрашения кофейных интеллигентов и офицеров... Это была чисто националистическая власть», в которой двери были закрыты перед представителями других наций и «таким образом, заранее была предотвращена возможность влияния двух третей части населения на историю страны» (с. 41—42).

Автор правильно считает, что возможность истребления армян можно понять, «лишь оглянувшись на историю развития турецкой империи» (с. 29). На фоне иллюстрации исторических фактов Г. Фирбюхер доказывает и убеждает, что этот период турецкой истории своими ужасами и преступлениями превосходит любую другую главу мировой истории. «Насилие, насилие и еще раз насилие,—вот знамение турецкой истории» (там же). Ни в одной стране мира, говорит далее автор, разрушающая сила так явно не господствовала, сабля так не подавляла духовные, созидательные силы народа, как в Турции. Г. Фирбюхер смело проводит параллель между Турцией и Пруссией: «Часто Турцию называли «Пруссией Востока». Если жестокое насилие является острым атрибутом пруссачества, то турки уже с более ранних времен и с большим успехом были пруссачами, чем подданные Гогенцоллернов. Но для обоих характерна неспособность к моральным завоеваниям» (с. 30).

Г. Фирбюхер истинный немец-патриот, именно поэтому он не щадит и «своих» узурпаторов, чтобы ради торжества правды освободить и свой народ от «коронованного подонка». Невозможно не согласиться с автором, что каждый народ имеет «своего коронованного подонка», но «у османов можно найти целый ряд стоящих у трона и натравленных на народ сумасшедших, преступников и развратников» (с. 31).

По праву высокоосведомленного человека Г. Фирбюхер далее показывает близорукость и недальновидность политики кайзеровской Германии в отношении к Турции, подчеркивая, что во всех отношениях младотурки были «наследниками старых турок». «Нет, не каждый немец, живший во время войны в Турции, стал туркофилом»,—воскликает он. По его мнению, «нужно было лишь разглядеть лицемерную маску эфенди, прислушиваться к тому, что говорили люди, увидеть, как нас обманывали и грабили на каждом шагу, чтобы понять, что мы были только средством для господ Талаата и Энвера к достижению расчетливой цели только для себя и для своей клики» (с. 32).

Не можем не заметить, что лицемерной маски младотурок, к сожалению, не разглядели и армянские деятели, которые в конце

1907 г. пошли на союз с ними, хотя, наверное, лучше немцев должны были знать их.

Кстати, в книге должное внимание обращено на вопрос о взаимоотношениях между младотурками и партией «Дашнакцутюн». В главе «Обманутые лидеры» автор подверг критическому, но доброжелательному анализу этот вопрос. Немецкий публицист особо выделяет демократическую сущность партии «Дашнакцутюн», что было вовсе чуждо партии младотурок. Этому именно не замечали армянские деятели и в этом-то и кроется трагический результат их взаимоотношений. Со своей стороны добавим, что слепая вера в словесные заявления младотурок у дашнакских лидеров была так велика, что они не считались с трезвыми предупреждениями отдельных руководителей армянского освободительного движения, в их числе и великого Аидраника, о роковой опасности доверия младотуркам. Г. Фирбюхер, вероятнее всего, ничего не знал об этих предупреждениях. Однако, невзирая на это, в своей оценке последствий дашнак-младотурецкого сотрудничества он абсолютно прав. Руководимые «исключительно демократическими принципами», указывает автор, дашнаки также не избежали соблазна младотурок: «Вожди этой партии («Дашнакцутюн») по-братски действовали вместе с младотурками, так как программа последних со своими требованиями демократических реформ в империи и равноправия всех народов... полностью отвечала желаниям армян. Лидеры младотурок и армян крепко подружились». И далее: «Когда сегодня оглядываешься назад и анализируешь те события, армянские лидеры кажутся жертвами своей преданности и веры в людей, которые вскоре показали свое истинное лицо... Они (младотурки) в 1915 г. хладнокровно убили армянских друзей, которые в 1909 г. спасли им жизнь» (с. 40—41). Все сказано четко на уровне европейского исследователя.

В связи с вышесказанным добавим, что и сегодня наш народ никому не позволит игнорировать эти уроки прошлого. Такое право не дано и отдельным новоявленным идеологам из «Организации армянского общенационального движения» и других организаций. Все нежелательно и пагубно, чтобы они со своими безответственными заявлениями об отрицании существования пантюркизма и призывами об установлении дружественных отношений с неомладотурками в результате оказались бы в том же капкане, в который завела дашнаков их чрезмерная доверительная политика к младотуркам накануне первой мировой войны. Повторения ошибок история не простит. Как младотурки во всех отношениях были законными наследниками султанов, так и теперешние вожаки Турции являются прямыми наследниками мла-

дотурок. За примерами ходить далеко не надо: кемалистское нашествие в Армению в 1920—1921 гг., истребление киликийских армян в 1921 г., современная оккупация Турцией Кипра и др.

Характеристика, данная Г. Фирбюхером государственному организму Оттоманской империи, однозначна—это государство войны, страха и жажды истребления народов. «Турция,—пишет он,—мастер войны и опять войны. По числу войн она завоевала пальму первенства на земле. Эфенди активно действовали там, где на чашу весов ставились кулак, страх, жажда разрушения, а не ум и идеи. Позор для Германии, что она стала союзником банды стриженных на европейский манер преступников, которые только и ждали случая, чтобы осуществить самый большой грабеж и массовые убийства в мировой истории» (с. 33).

Весомая часть труда Г. Фирбюхера, как и следовало ожидать, посвящена описанию истребления и геноцида армянского народа. Невозможно спокойно читать эти страницы книги—пронизывающая боль прямо-таки сжимает сердце. Неопровержимыми фактами и привлечением документов автор показывает, что геноцид был организован и санкционирован на государственном уровне. «21 апреля 1915 г.,—констатирует автор,—турецким правительством был составлен приказ об истреблении армянского народа и соответствующие приказы получили военные и гражданские ведомства. Талаат и Энвер одержали победу над робким великим визирем, египетским принцем Сеидом Халилом-пашой» (с. 47—48). Автор счел необходимым в подтверждение своих слов привести некоторые смертные приказы Талаата. Вот, например, что гласил приказ этого убийцы в префектуру Алеппо от 15 сентября 1915 г.: «Вам уже сообщалось о том, что по указанию Джемиета (комитета) было решено полностью уничтожить проживающих в Турции армян. Те, кто выступит против этого решения, не могут оставаться на официальных постах. Как бы жестоки ни были принятые меры, должен быть положен конец существованию армян. Не обращайтесь никакого внимания ни на женщин, ни на детей и больных, ни на угрызения совести». А в приказе от 23 ноября Талаат от той же префектуры требовал: «Тайными средствами уничтожьте всех армян восточных провинций, кого найдете в Вашей области» (с. 72).

После зловещего апрельского приказа, замечает Г. Фирбюхер, ручейки крови армян стали «стекать по скалам и перемещивались с бурными волнами»; однако ураган ужаса не прошел лишь только «над столами в роскошных садах Стамбула, где немецкие и турецкие союзники пили за здоровье друг друга». И по суровому замечанию автора, не нашелся ни один немецкий государственный деятель, «чтобы бросить в лицо коллегам с

Босфора, что они изверги, которых надо заковать в цепи». Затем тут же следует ироническое замечание автора: «Совесть у них была спокойна. Посол Вангенгейм 31 мая докладывал в Берлин, «что названные предприятия при политическом и военном положении в Турции, к сожалению, невозможно предотвратить» (с. 52). Чудесное это слово «к сожалению»,—с сарказмом заключает Г. Фирбюхер, чтобы немного спустя вынести свое окончательное решение, а именно: «немецкое военное правительство разделяет ответственность и за подлое преступление 1915 года» (с. 66). Именно так откровенно и прямо; тот вывод, который не осмелился сделать даже гуманист Иоганнес Лепсиус, сделал пацифист и антифашист Генрих Фирбюхер, не дрогнув ни перед чем, даже перед надвигающейся фашистской опасностью.

В заключение отметим, что работа Г. Фирбюхера и сегодня, в эти тревожные для армянского народа дни, полностью сохранила свою актуальность.

ВАРДГЕС МИКАЕЛЯН
доктор исторических наук, профессор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда имели место первые преследования армян, я еще не родился или был еще ребенком (я родился в 1902 г.), который не мог понимать такие события. Но во время первой мировой войны, несмотря на цензуру, до нас доходили первые слухи и сообщения об этой резне. Но мы этим событиям несправедливо придавали такое же значение, как страшным массовым бойням в Восточной и Западной Европе. Или их вообще вытеснили из нашего сознания из-за более близких к нам убийств в Сомме, во Фландрии, при Вердене.

Только после окончания войны мы услышали тревожный крик писателя-экспрессиониста Армина Т. Вегнера. Подробно-сти я узнал позже, когда в декабре 1922 г. мы вместе с Вегнером—он в качестве председателя Союза противников войны, а я в качестве представителя Немецкого пацифистского союза студентов—ехали на большие международные конференции за мир, которые проходили в Гааге и Амстердаме.

В последующие годы, когда мы были заняты организацией ежедневной борьбы, выступали, писали против новой гонки вооружения, против химической войны, против разжигания войны и против надвигающейся опасности национал-социализма, для нас геноцид армян 1915 года отодвинулся на задний план. Армяне, которые выжили, не имели такого хорошего «лобби» в Западной Европе, как, например, русские эмигранты-меньшевики или позже бежавшие из муссолиниевской Италии социалисты и коммунисты. Поэтому было очень важно то, что в 1930 г. наша совесть пробудилась книгой Фирбюхера.

Правда, жизнь этой превосходной и важной книги оказалась короткой—в 1933 г. на ее долю выпала честь быть зачисленной в «черный список» Геббельсом и биржевым обществом немецких книготорговцев. И экземпляры, находящиеся в личных библиотеках немецких пацифистов и социалистов, стали жертвой домаш-

них обысков СА и гестапо, если владельцы до этого из-за чувства страха не сожгли или не выбросили их в мусор. А в общественных библиотеках, где находилась эта книга, во многих городах она была уничтожена из-за бомбардировок сороковых годов.

Еще более надо приветствовать то, что теперь эта книга, спустя 55 лет после ее выхода, наконец, вновь стала доступной. Потому что значение и актуальность ее ничуть не уменьшились, среди прочего и потому, что Фирбюхер массовую резню над армянами рассматривает в ряду с политическим и экономическим союзом (Багдадская железная дорога!) империалистической политики Германии и ее турецкого союзника. Многие другие важные, умалчиваемые или забытые детали вызывает Фирбюхер в нашей памяти, как, например, роль пангерманских профессоров (Рорбах, Екх) и роль занявшего не последнее место политика и евангельского геолога Фридриха Ноймана (1860—1919), губительную внешнеполитическую позицию которого до сегодняшнего дня не замечают или сознательно умалчивают немецкая историография и большинство демократических политических деятелей. Так что в этой маленькой книге вы найдете многое, заслуживающее прочтения и достойного изучения.

Есть преступления, которые никогда нельзя забывать. Резня армян относится к таким преступлениям, которые мы всегда должны помнить.

Кельн, конец марта 1985 г.

*ВОЛЬТЕР ФАБИАН
Профессор, доктор*

МОГИЛЬНЫЙ КРЕСТ

Кто знает о судьбе народа, колесованного и распятого во время мировой войны?

Знаете ли вы, что апогеем злого гения человечества было не 15-месячное неистовство оборотней на склонах кратеров Во и Дуо, а превзошедшая Голгофу драма, разыгравшаяся в ущельях Кавказа* и выходящая за все пределы ужасного, перед которой блекнет даже сила воображения Грюневальда, Гойи, Бройгеля?

Над горой, с которой взлетел Ноев голубь, чтобы возвестить о возродившейся жизни, в «великую эру» реяла тень смерти, к ее высотам возносился многомиллионный стон умирающего народа, зловоние разлагающихся человеческих тел. Будущим поэтам и историкам Арарат когда-нибудь покажется алтарем, на подножие которого наше варварское время возложило жертву, перед которой меркнут все кровавые злодеяния Тамерлана, Торквемады, Ивана и жертвы, принесенные Молоху Тиру, богам ацтеков.

Между Ерзнка и Сивасом находится ущелье Кемах. В июньские дни 1915 г. там после неопишуемых мучений были сброшены вниз с головокружительной высоты десятки тысяч живых женщин и детей. Это ущелье следовало бы назвать Дантовым. Это превратившийся в действительность вал проклятия, описанный Данте в его аду. Люди воздвигают памятники войне; чаще для того, чтобы чествовать не убитых, а убийство. Человечество, познавшее свое бесчестие и осознающее свой долг искупления, должно бы превратить позорный рубец Кавказа в памятное место для всей земли, потому что здесь было совершено самое кровавое из всех убийств. Желание изгладить этот позор и отвращение тех, кто проклинает войну, должны объединиться и по-

* Здесь и далее автор вместо «Западной Армении» употребляет слово «Кавказ», исходя из того, что во время первой мировой войны она являлась театром военных действий Кавказского фронта (примеч. редактора русского издания).

будить людей к паломничеству в Кемах-Бохази. Там паломники должны пережить в душе своей, чем был 1915 г., прислушаться к глубокой могиле в пропасти и, воскресив в себе этот непостижимый, но все-таки совершившийся ужас, проникнуться всеми фибрами души решимостью борьбы против отравленного сознания, допустившего все это.

Здесь делается попытка очень сжато изобразить самое больное в истории преследование христиан. Вряд ли поставленная задача может быть решена мною полностью. Тот, кто борется против будущей войны, не может писать объемистые книги, иначе он рискует остаться в стороне от насущных дел. А сегодня, когда ядовитые газы и арсеналы взрывчатки с нетерпением ждут своего часа, дела эти грозят превратить Европу, подобно Пальмире, в груды развалин, в огромную, безлюдную Армению. У наших друзей же, немцев доброй воли, немного найдется денег на приобретение книг; часто хлеб им необходимее печатного слова.

Если мы хотим сохранить в себе способность любить, мы должны возненавидеть те чудовищные зверства, которые происходили вокруг нас. Так пусть же посильным вкладом в это дело станет и настоящая работа, как небольшой крест на общей могиле в горах Кавказа.

АРМЯНСКИЙ ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЬ

15 марта 1921 г. на Гарденбергштрассе в Шарлоттенбурге армянский студент *Тейлерян* застрелил бывшего великого визиря *Талаата-пашу*. Влиятельнейший вождь младотурок и видный государственный деятель Турции во время мировой войны стал жертвой очевидного акта мести. Совершивший покушение был избит до крови возмущенной толпой и не оказал сопротивления при аресте.

3 июня 1921 г. берлинский суд присяжных после двухдневного слушания дела оправдал человека, убившего когда-то всемогущего руководителя турецкой военной политики. Этот приговор — почетная страница в истории немецкой юстиции. Парадоксальное положение, что виновником является не убийца, а убитый, было здесь защищено и, если даже формально не было признано, явилось основой оправдательного приговора. Суд понял душевную борьбу, полную опустошенность человека, который после оглушающего удара в голову два дня пролежал под трупом своего брата и слышал крики боли и отчаяния своих сестер, изнасилованных турецкими солдатами.

За барьером суда стояло нечто большее, чем только хилый, кажущийся незначительным, молодой армянин; здесь присутствовал целый загубленный народ, здесь был дух Банкво, возросший до гигантских размеров, здесь стояли тени более миллиона убитых мужчин, женщин и детей. И они поднимали голос протеста против позора забвения, окутывающего обманчивым туманом бездны, которые снова могут открыться завтра.

Тейлерян увидел в Талаате-паше основного виновника истребления своего народа. Единственный из своей многочисленной семьи он избежал бойни 1915 г. После многолетних скитаний по Персии и по своей опустошенной родине, он снова попал в родной город Ерзнка, где из 20000 армян от резни спаслись только несколько семей, а его отчий дом лежал в развалинах. Однажды во сне, как он рассказывает, явилась к нему его мать и приказала ему отомстить виновнику убийства. Это видение, этот голос преследовали его до того дня, когда Талаат упал, сраженный пулями.

У прокурора было трудное положение. За жизнь обвиняемого боролись такие всемирно известные адвокаты, как Вертгауер, фон Гордон, преподаватель народного права в Киле Нимейер. Кульминационным моментом слушания дела явились показания одного армянского епископа и одной простой женщины, показания которой напечатаны в этой книге.

КРАСНЫЙ И ЧЕРНО-БЕЛО-КРАСНЫЙ СУЛТАН

Блиские отношения между Турцией и Германией сложились только в XIX столетии. Еще король Фридрих писал своему посланнику в Константинополе: «Ты только натрави турок на русских и не жалея галеров».

В 1836 г. Фридрих-Вильгельм III послал на Босфор капитана генерального штаба Гельмута фон Мольтке на долгие годы в качестве офицера-инструктора. Мольтке был герольдом будущих военных сделок между Турцией и Германией. Кронпринц Фридрих во время своей поездки на торжественное открытие Суэцкого канала в 1869 г. посетил султана Абдул-Азиза, известного своей расточительностью. Прусский принц держал себя так же «тактично», как и большинство Гогенцоллернов. Он воспользовался вежливостью султана для того, чтобы получить в подарок для евангелических целей земельный участок в Иерусалиме, принадлежавший ранее ордену святого Иоанна. «Наш Фриц» записал в своем дневнике: «Главный визирь был совершенно пора-

Генрих Фирбюхер (1893—1939)

Генрих Фирбюхер в Константинополе (1918 г.)

жен, когда я сказал ему про то дело... Однако благодаря его, а также готовности султана оказать любезность нашему королю..., предприятие удалось». Еще более предприимчивым оказался его сын Вильгельм II, снискавший себе своей поездкой на Восток уже в 1889 г. славу путешествующего кайзера. Он мастерски устраивал себе подарки за подарками от кровавого Абдул-Гамида, так что после спада первого воодушевления влиятельные круги в Стамбуле начали рассматривать это путешествие как своего рода набег. В качестве благодарности за подарки и концессии Вильгельм послал своему турецкому коллеге офицеров, которые начали реорганизацию османской армии. Между тем дружеские услуги «нашего» Вильгельма объяснялись его весьма подозрительной дружбой. В 1894 г. был внезапно отозван в Берлин главный конюх султана, немец, так как он отказался поставлять регулярные сообщения о событиях при дворе султана, в армии и в министерстве иностранных дел. Когда в 1898 г. Вильгельм II снова прибыл в Стамбул, его встретили с меньшим энтузиазмом, чем 9 лет тому назад. Но тем более напыщенными были речи, которые держал Вильгельм II. К этому случаю он пожертвовал на могилу Саладина в Дамаске серебрянную лампу и подписался как «друг 300 миллионов магометан».

Турецкой столице он подарил колодец, на котором Абдул-Гамид распорядился поместить следующую надпись:

«Верный друг Его Величества Султана
Абдул-Гамида Хана II,
Самое блестящее украшение сиятельной кайзерской семьи
Его Величество кайзер Вильгельм II, стоящий на вершине счастья,
Которому нет равных среди немецких кайзеров и владык,
Как гость Падишаха османов своим посещением украсил он
Константинополь,

На память об этом посещении сооружен этот колодец,
И подобно чистой воде, вытекающей из него,
Дружба обоих монархов—образ чистоты,
Да будет этот колодец вечным монументом этой дружбы».

Кем же был Абдул-Гамид? Это одна из самых темных личностей в истории. Уже его вступление на трон в 1876 г. сопровождалось настоящими злодеяниями. Абдул-Азиз был убит в своем дворце Тераган. Его преемник Мурад V после 5-месячного правления был свергнут по причине помешательства и заточен. Вполне вероятно, что оба события лежат на совести Абдул-Гамида. *Своего брата, Мехмеда Решада* (будущего султана в период мировой войны), он держал в заточении в течение 34 лет.

Только подозрения о поддержании связи с Мехмедом Решадом **был** достаточно, чтобы подозреваемый исчез бесследно.

Дать какое-либо определение моральным качествам этого коронованного изверга трудно. Абдул-Гамид был сыном армянки из гарема. И этот человек неоднократно, в последний раз в 1909 г. давал прямые приказы к истреблению армян. Один из наиболее значительных государственных деятелей Турции—либеральный Мидхат-паша в 1877 г. дал стране конституцию. Абдул расправился с конституцией, сослал Мидхата в Гедяс, где тот и был убит по его распоряжению в 1883 г. Чтобы полностью убедиться в этом, он приказал принести отрубленную *голову Мидхата в Стамбул*. Абдул был, по всей вероятности, одержим *манией преследования*. Он постоянно носил при себе много револьверов. Находясь в вечном страхе за свою жизнь, он угрожал каждому из своих придворных, казавшихся ему чем-нибудь подозрительным. Собственный дворцовый суд, применявший самые *изошренные пытки*, в большинстве случаев принуждал к признаниям, достаточным для смертной казни. Однажды, прогуливаясь по саду Йылдыз-Къёшк (по немецки: Звездный шатер), Абдул-Гамид встречает какого-то садовника, который вскакивает с места, чтобы низко поклониться султану. Это нагоняет на Абдул-Гамида такой страх, что он тут же выпускает в бедного неудачника всю обойму. Из страха перед покушением султан ехал по городу на официальные празднества в бешеном темпе. Применение взрывающихся химикалиев было строжайше запрещено. Так, аптекари не имели права применять хлористый калий, так как при дворе считали возможным, что из него можно приготовить бомбы. Предполагаемый заговор учащихся военного училища был подавлен с непостижимой жестокостью. Этим молодым людям было объявлено, что султан разрешил им поездку за границу для завершения образования. Во время поездки *ночью корабль был затоплен. Никому не удалось спастись*. В бесчисленных случаях против нежелательных людей применялся яд.

До тех пор, пока этот деспот стоял у власти, такой город мирового значения, как *Константинополь, не имел телефонной связи*. Цензура дошла до уродств, смахивающих на настоящее безумие, и в течение 34 лет отмечала даже неблагонадежность, исходящую от друга—Вильгельма II. Было запрещено даже употребление определенных слов. Так, из-за применения слова «Македония» в одном из посланий Павла было конфисковано американское издание Библии. По турецкому предписанию там должно было быть написано: «Вилайеты Салоники и Монастир». Редактор, употребивший слова «конституция, свобода, покушение, тирания, анархист, революция, наследник трона, Армения,

Босния» был бы самоубийцей в полном смысле этого слова. Было запрещено упоминать в печати об убийствах французского президента Саади Карно, персидского шаха Насреддина и короля Сербии Александра. Предписывалось сообщать, что главы этих государств умерли естественной смертью.

И Вильгельм II был верным другом человека, именем и по заданию которого происходили эти чудовищные бесчинства. Во всяком случае нам кажется, что в числе правителей, охваченных манией величия, наряду с Абдул-Гамидом может быть назван и «наш» Вильгельм II. У Цедлитца-Трючлера читаем: «Однажды, когда Вильгельм II осматривал замок кайзера династии Гогенштауфенов Фридриха II—крепость Кастелмонте, он сказал своей свите: «Да, приходится задуматься, как это великий кайзер достиг всего этого. *Но если бы я мог также полосовать вас кнутами и обезглавливать, я тоже достиг бы большего*». Этот человек, который будучи кронпринцем выдавал русскому царю немецкие государственные тайны, который во время одной из забастовок ожидал, что берлинский гарнизон перебьет по меньшей мере 500 забастовщиков, человек, подобный пантере, готовящейся к прыжку, человек варварского стиля, организатор трактирных дебошей, виновник потери всех возможностей немецко-английского взаимопонимания, человек, знающий все лучше самых прославленных специалистов, который строил козни такому высокопоставленному чиновнику, как Лаусубен, чьи заметки на полях документов значительно способствовали началу мировой войны—этот человек был достойным другом Абдул-Гамида. Им обоим была свойственна нетерпимость к любой критике и склонность к театральности. Правда, у них различные амплуа. Кайзер у Золотого Рога нравился себе в роли лицемерного кровавого интригана, злодея, вечно терзающегося угрызениями совести, тогда как султан с фальшивым пафосом выступал на Шпре в роли героя. Один был Макбетом, Францем Моором, королем Клавдием, другой—смесью Таргарена, Дон-Кихота и Лозигрина. Для Абдул-Гамида игра эта была кровавой действительностью, для Вильгельма—комедиантством, принявшим серьезный оборот и превратившимся в кровавую судьбу для целой половины земли.

Когда беснуются короли, платит народ!

ПАНГЕРМАНСКИЕ ДЕМОКРАТЫ

Вильгельм II был коммивояжером немецких империалистов. Наряду со все более увеличивающимся снабжением турецкой ар-

ми немецкими офицерами продвигалось и строительство Багдадской железной дороги. Немецкий банк устраивал одно поражение за другим. Рядом с немецким посольством в Константинополе находилось представительство Крупна. Господа знали, чего они хотели, и делали так, как считали нужным. В шахматной партии мировой политики Турция была для них особенно важной фигурой. И они не слишком старались раскрыть свои планы перед общественностью. Об этом пеклись с известной ловкостью люди высокой нравственности, высокого ранга и демократических традиций. Демократы Науман, Рорбах и Екх сфабриковали в Германии фальшивое мнение по турецкой проблеме, которое по своей опасности соперничало с деятельностью пангерманских демократов. Этот тип политиков, который в вечном споре о космополитизме и национализме в решающий момент переходит к политике национализма (вспомним о военном психозе, нагнетаемом Ратенау, и гесслерстве)*, в значительной мере виновен в дальнейшей катастрофе.

В 1898 г. Науман в своей книге «Азия» пишет:

«Утрачивая былую многочисленность, вечно отстающие турки приобрели свойство, которого, по-видимому, не имели раньше. Они приобрели хитрость человека, подрубленного в корне, но пытающегося оставить впечатление живущего полной жизнью. Подобно больному зверю, инстинктом чувствующего, где и как при своей слабости он может применить свои зубы и когти, турок знает, когда он еще раз станет варваром и вкусит крови. Последним случаем для проявления турецкого варварства была резня армян».

Науман написал это в 1898 г. Во время мировой войны турки были для него мужественным и жизнеспособным народом. Ни слова осуждения не нашел господин священник для несомненно известной ему резни армян 1915 г.

Про Суэцкий канал Науман в 1898 г. пишет:

«Мы также участвовали в обсуждении вопроса, кому будет принадлежать Суэц в случае войны. Если Россия станет воевать с Англией, а Германия и Франция выступят на русской стороне, тогда мы будем ждать телеграмму из Суэца так, как в 1870 г. ждали телеграмму из Вогезов. Англия знает, что она делает, когда держит в своих руках Гибралтар, Мальту, Кипр,

Александрию, Аден. За эту дорогу еще будет жестокая перестрелка, невзирая на Берту фон Суттнер».

И далее:

«Даже если мы не сможем использовать для себя Константинополь, мы хотели бы участвовать в дележе имущества несостоятельного должника, Османской империи».

Эти слова демократ Науман писал в тот же час, когда в Константинополе строили колодец дружбы Вильгельма II.

Это тот Науман, который писал в 1900 г.: «Мы, немцы, должны быть рады, что имеем кайзера, придающего огромное значение флоту и промышленности».

Рорбах и Екх уже за 20 лет до мировой войны проявляли особый интерес к немецко-турецкой политике. Особенно начиная с 1908 г. они стали петь прямо-таки дифирамбы новым турецким кумирам—Махмуду Шевкет-паше, Талаату и Энверу. Однако это не помешало господину Рорбаху в решающие дни 1914 г. откровенно заявить, что Германия любой ценой должна быть и остаться преобладающей силой в Турции. В 1914 г. Рорбах и Екх стали выпускать журнал «Великая Германия» („Das größere Deutschland“), по словам Рорбаха «с намерением подготовить наше общественное мнение непосредственно к войне». В «Великой Германии», как и в наумановской «Помощи» («Hilfe») Рорбах в 1914 г. поместил ряд статей, которые с тем же успехом могли быть написаны графом Ревентловым. Уже в 1913 г. в «Прусских ежегодниках» („Preußische Jahrbücher) он пишет:

«Не следует сомневаться в том, что мы имеем достаточно денег, а за 10 или 20 лет будем иметь достаточно много, чтобы содержать армию и флот, которые при возникновении серьезной ситуации сделают нас в единстве с нашими естественными союзниками угрожающей силой для всей Европы».

В той же статье:

«Мы не хотим аннексировать Турцию, но мы должны использовать эту страну в ее нынешних границах как поле деятельности на благо наших национальных интересов».

Для Рорбаха Турция—будущая немецкая колония, как компенсация за аннексии, с помощью которых Англия и Франция расширили свои колониальные владения. В 1913 г. он патетически восклицает:

* Сторонники Отто Гесслера (1875—1955), министра вооруженных сил Германии в 1920—1928, члена Рейхстага (примеч. редактора русского издания).

«Достаточно и предостаточно и того, что присвоили себе Англия, Франция и Россия в течение последнего века. За происшедшее мы требуем справедливого возмещения убытков и не допустим в дальнейшем наживательства за счет наших интересов,—если же иначе, то пусть откроются двери храма св. Иоанна!».

11 августа 1914 г. Рорбах пишет в „Größeren Deutschland“:

«Сейчас, когда все изменилось, можно уже спокойно сказать, что договора с Англией об ограничении наших интересов на Востоке и в Африке были готовы и подписаны, и переговоры велись только относительно вопроса опубликования. В африканском вопросе английская политика уступила нам удивительно много. Интересы Германии в Турции были учтены не только по вопросу Багдадской железной дороги, но и по связанным с ним вопросам эксплуатации нефтяных залежей в Месопотамии. Судоходство по Тигру, которое осуществлялось Англией монопольно, было отрегулировано с участием Германии».

То, что этот немецко-английский договор не состоялся из-за начала войны, демократу—как камень с сердца. Ведь он ограничил бы вожделенное монопольное господство Германии на Ближнем Востоке. Когда Турция вступила в войну, турки удостоились особой похвалы господина доктора:

«Турки показали себя здесь, как про них уже говорили Бисмарк и Мольтке, действительно джентльменами Востока».

И такими они оставались для Рорбаха до тех пор, пока он верил, что тогдашние правители Турции достаточно глупы, чтобы не разглядеть неуклюжие интриги немецких друзей. Талаат и Энвер были преступниками, но дураками они определенно не были.

КАК НАС ОБМАНУЛИ

Люди выносят всякие ужасы, но правду они не переносят. Однажды брахман сказал ученому, что он никогда не убивал живого и не употреблял животной пищи. Ученый предложил ему посмотреть через микроскоп на кусочек сыра. Что же сделал наш брахман? Он разнес микроскоп вдребезги. Астроном Кремонини оспаривал наличие спутников Юпитера. Когда наука неоспоримо доказала их существование, Кремонини никогда больше не смотрел через телескоп. В политике таких брахманов и Кремонини больше, чем это нужно народам. Сегодня люди за-

пищаются от того, чтобы не быть обманутыми, хотя этому есть тысячи доказательств. И это наше несчастье, потому что в признании прежних заблуждений и преступлений кроются зародыши грядущих катастроф.

Когда осенью 1914 г. Турция присоединилась к странам Центральной Европы, по Германии, опьяненной дурманом войны, прошло ликование. Истинный немец—романтик даже в политических вопросах. Его злополучная склонность к фантастике сослужила ему плохую службу, в особенности в вопросе немецко-турецкого сотрудничества. Я утверждаю, что в Германии в течение всей войны никогда не имели ясного представления о степени участия Турции в происходящем. Разрисовывались и разукрашивались сказочные картины. Наша пресса, вся пишущая братия пытались вселить во всех надежду на волшебное воздействие лампы Аладдина. Из Энвера сделали Зигфрида, Талаат стал Бисмарком, и турки преподносились нам как народ, который со дня сотворения мира не имел более страстного желания, чем воевать рядом с немецким народом. Еще в 1908 г. Екх писал: «Каждый немец, с которым я встречался и говорил там, благодаря опыту и пережитому стал туркофилом (дружественно расположенным к туркам)». В это же время немецкий посол от имени одного немецкого князя передал султану приданое для двух новорожденных, ожидаемых в гареме. Можно ли представить себе более интимную сердечность между двумя народами? 10 сентября 1914 г. Екх пророчески пишет:

«Настанет день, когда Германия нажмет в Константинополе на турецкие рычаги исламской мощи..., и, кажется, этот день приближается. Только тогда немецкая война станет мировой войной».

В 1909 г. один турецкий генерал сказал ему:

«Немецкие военные корабли строятся также и для Турции». И далее Екх говорит нам (20 августа 1914 г.), что можно ожидать от военного союза с Турцией:

«Турция могла бы с помощью военных кораблей, поставленных в свое время Германией, победить и разгромить Черноморский флот России. Тогда весь юг России, самая важная в экономическом отношении область Российской империи (подумайте хотя бы об Одессе) оказался бы незащищенным. Турецкие войска могли бы добраться до вод и суши России, и мусульманское население от Кавказа до Крыма приветствовало бы их как спасителей».

10 сентября 1914 г. нам красноречиво были представлены перспективы Святой войны:

«Исламский мир от колонн Геркулеса до китайских стен с трепетом ждет».

Далее:

«Двадцатимиллионное магометанское население Персии ждет, чтобы выступить против России и Англии. В России—более двадцати миллионов мусульман, а в распоряжении Англии—в Африке и в Азии—более ста миллионов, и более 60 миллионов мусульман живут в Индии. Мусульмане молятся за такой поворот событий и за победу немецкого оружия».

5 ноября 1914 г.:

«Не случайно, что в мечетях Египта верующие молятся на кайзера Вильгельма как на Хаджу Магомеда, паломника Святой страны».

Во все это верили и принимали всерьез. Дарданеллы, Кавказ, Суэцкий канал—это были для немецкого народа такие понятия, которые свободнее разжигали воображение, чем неистовство Востока и Запада. Нет сомнений, что закрытие и защита Дарданеллов затянули решение исхода войны на долгие годы. Но чудо, которого ждали на Суэце и на Кавказе, не свершилось, не должно было свершиться, потому что там отсутствовала всякая предпосылка победы. На Кавказе в турецкой армии *умирали от голода и холода десятки тысяч солдат*; зимой 1914—15 гг. там с лица земли исчезла целая армия. Повозки с волами, которые были почти единственной связью между тылом и армией, застревали в грязи непроходимых дорог, если, конечно, они вообще отправлялись. Зачастую их крали и продавали на черном рынке сами турецкие офицеры административных учреждений или офицеры этапной службы. Турецкую армию в Восточной Анатолии постигла та же участь, что и наполеоновскую армию в 1812 г. И немецкий народ об этом также мало знал, как о катастрофе в Марне. Надо было Нойману видеть поход к Суэцкому каналу. Это была оперетта под открытым небом, военный карнавал с палаточным действием. Это была сцена как раз по Бернару Шоу!

БЕДНЫЙ ТУРЕЦКИЙ СОЛДАТ

Надежда на «Джихад», священную войну, была психологической чудовищностью. Уже 150 лет, как она остается необъявленной,

так что уже с самого начала определить предполагаемое воздействие этого провозглашения было невозможно. Ислам является религией более здравого смысла, чем мы предполагаем. Он в своем суннитском большинстве не ведает той нетерпимости, которой столетиями свирепствовали у нас инквизиция и костер. Ислам очень здравая религия с ярко выраженным учением. Зависимость от духовных лиц здесь меньше, чем в протестанстве. Очень слабым средством связи для всех верующих являются святыни Арабии, но еще ни один турецкий султан не становился халифом. Мусульмане очень хорошо знают, что цель султанов в качестве духовных предводителей—сохранение и расширение турецкой государственности. Это их сделало недоверчивыми к призывам. Например, развертывание зеленого знамени пророка в Эюбской мечети превратилось в пустую и смешную демонстрацию. И если сам призыв к Святой войне нашел бы отклик в исламском мире, то это не было бы выгодно для Германии, так как борьба должна была быть против всех неверных, всех христиан, таким образом также против немцев, как и против англичан, русских и французов.

Итак, вся тяжесть военных действий в Турции лежала только на плечах бедного турецкого солдата, который только что вернулся из двух кровавых балканских войн. Это был крестьянин, изученное и надорванное вьючное животное турецкого империализма со времен захватнических войн четырнадцатого столетия, убогий ремесленник, простой люд, который страдал всегда, и при победе, и при поражении.

Турецкий солдат был самым жалким рабом милитаризма. Волей судьбы будучи невоспитанным и преданным, он шагал, изгнанный ударами из хижин и казарм. Куда он шагал, он не думал. Рассуждать в турецкой армии считалось большим преступлением, чем в немецкой армии.

Во время моего долголетнего пребывания в Турции у меня не было много впечатлений о солдатах, чем тупое отчаяние. Об охватывающем души воодушевлении мог писать только немецкий военный корреспондент. Такого никогда не было в турецкой армии. *Турецкого солдата били как скотину*, его семья голодала. Одетый в лохмотья, в основном босой, иногда ноги обмотанные тряпьем, лишенный медицинской помощи, он болел от грязи и авитаминоза: тифом, холерой, оспой и малярией. Когда я в Дамаске лежал в лазарете, я видел, как в соседних зданиях дюжинами умирали солдаты. Питание было собачьей похлебкой, так как более ценные продукты воровали интенданты и офицеры. *За исключением нескольких похвальных подразделений, турецкая армия на протяжении всей войны голодала.* Турецкая ар-

мия имела два миллиона жертв, из коих погибли на фронте самое большее 500000 солдат.

Собачье существование миллионов противостояло расточительной жизни многих офицеров, особенно офицеров высшего ранга. Такой сильный контраст у наших, обычно терпеливых немецких солдат, привел бы к столкновению и убийствам. Казалось естественным, что офицеры воровали, а солдаты очень часто месяцами не получали зарплату. Турецкая армия в процентном отношении имела намного больше офицеров, чем немецкая. А все господа офицеры, естественно, хотели бы жить легко. Доминирующую роль играл *бакшиш*, т. е. взяточничество, особенно в высших инстанциях. Во время войны в Дамаске нашел место *невероятный коррупционный скандал*. Главная военная комендантура Дамаска самое меньшее через каждые полгода меняла своего хозяина. За это короткое время данный полковник «зарабатывал» свое состояние. Купцы Дамаска рассказывали чудеса о том, какие суммы были отняты у них этими господами за это короткое время.

А из казарм слышались крики тех бедных людей, которых *из-за* малейшей провинности наказывали бастонадой—*ударами палкой или дубинкой по пяткам ног* до сдирания кожи. Уже в 1915 г. на улицах начали появляться вереницы связанных друг с другом мужчин с отсутствующим взглядом. Их ловили за дезертирство. В казарме их подвергали такому обращению, которым «джентльмены Востока» владели особенно мастерски—их мучили *побоями и голодом*.

В первый год войны уже были сотни тысяч дезертиров. Кто мог заплатить 47 фунтов, освобождался от службы в армии. Но бедняк, особенно если он был христианином, должен был выбрать между скотским обращением в воинской части или попыткой скрываться. Только в тех областях Анатолии, где население состояло только из турок, вербовка проходила беспрепятственно. Напротив, в Месопотамии и Сирии уже в 1916 г. была такая большая неразбериха, что вице-король Джемаль-паша приказал *казнить каждого десятого дезертира*. И вот однажды на улицах Дамаска я увидел 24 виселицы, на которых были повешены дезертиры. И почти каждый день мимо нашего литейного завода проезжала машина, из которой капала кровь расстрелянных дезертиров.

Об этом корреспонденты нам не рассказывали. Для бесчисленных инстанций цензуры, готовящей общественное мнение, все должно было быть в полном порядке.

ТУРЕЦКИЕ ПАШИ И НЕМЕЦКИЕ МЕЧТАТЕЛИ

На днях Анкара отменила титул паши и таким образом бросила в мусорное ведро истории большой кусок романтики. Кусок кровавого, жуткого, ставшей для нас, европейцев, уже легендой всемогущества, которое позволяло единицам удовлетворять свои чудовищные прихоти. Вильгельм II с удовольствием обезглавил бы своих придворных. Но должен был оставаться при благих намерениях. А к ногам его друга Абдул-Гамида катились отрубленные головы. Как обернулись бы дела для социал-демократов, если б Вильгельм мог делать то, чего он хотел! Когда воображение Абдул-Гамида после чтения страшных рассказов времен французской революции было сильно возбуждено, он давал прямые приказы о резне армян, и на следующий день в Стамбуле и в Адане улицы были завалены трупами. Конечно, некоторые наши генералы в Бельгии и в Польше надувались как индюки, но все еще считали полезным получать своего рода удостоверение руководителя, подписанное 93 учеными. Для турецких властителей никаких препятствий не существовало. Эти господа, хорошо говорящие на немецком и французском языках, во время войны в собственной стране вели себя хуже, чем англичане в Трансваале. *Энвер-паша давал пощечины своим офицерам перед всей командой*. Джемалу-паше, как вице-королю Сирии, было разрешено приукрасить свой резидентский город Дамаск. Для него улицы были недостаточно широки. И в один прекрасный день по его приказу жителей Длинной улицы саблями выгнали из своих домов, и солдаты снесли дома. Оставшиеся без крова люди не знали, где жить. А улица стала шире. Когда в 1915 г. появилась опасность, что Дарданеллы не выдержат атаки союзников, султан со своим двором должен был перебраться в Эски-Шеир. Здесь, в течение одного часа очистили целый ряд домов. Жители этих домов лежали буквально на улице. Несмотря на то, что Мехмед Решад V остался в Стамбуле, до конца войны выброшенным на улицу не вернули их квартир. В 1917 г. в одно раннее летнее утро на одной из центральных площадей Дамаска я увидел *семь виселиц*. На них висели главы самых почтенных и богатых семей Сирии. Одновременно в Бейруте были повешены двадцать пять, в Иерусалиме—семь, в Алеппо—семь, в Гомсе—четыре человека. Джемаль-паша сообщил удивленной общественности, что казненные являлись государственными преступниками. Их богатое имущество было конфисковано властями. Пожалуй, именно это и являлось основной целью страшных злодеяний.

Джемал-паша был самым значительным соперником Энвера. Несмотря на то, что Джемал занимал пост морского министра, он во время всей войны был главнокомандующим в Сирии. Так что Энвер единолично решал все военные вопросы. Джемал был для него недостаточно усердным. И все же по приказам Джемала против населения было применено так много насильственных актов, что описание их составило бы целые тома. Хотя система была первопричиной всего, но высокопоставленным лицам в Германии все же не могло быть безразличным то, что на турецком фронте около Суэцкого канала человек, по общему мнению являющийся компетентным, был не только неспособным в военном деле, но и больше симпатизировал Антанте, чем странам Центральной Европы. Но в Берлине, видимо, довольствовались тем, что паши разрешали им из Турции приступить к реализации своих фантастических планов. Багдад и Дамаск стали исходными пунктами для авантюрных экспедиций. Вот они, с набитыми кошельками, двигаются по направлению к Персии и к Афганистану (оттуда дорога в Индию!), ничуть не задумываясь над тем, чего хотят народы этих стран. Паши должны были засомневаться, не потеряли ли рассудок в Берлине? Из Дамаска через Гечас и Красное море в Абиссинию двинулась даже колонна, чтобы передать их императору собственноручное письмо от немецкого кайзера. Жаль, Негус Негести не осуществил заманчивый план Вильгельма II—из Центральной Африки не напал на Египет. Это было блестящее время для всякого рода авантюристов. Одним из ярких фигур был старый шейх Абдулла, который был отброшен бедуинами назад вместе со своей колонной у Красного моря и с трудом добрался до Дамаска. Абдулла был по происхождению немец, его звали Карл Нойфельд. В восьмидесятых годах в верхнем Египте он попал в плен к новому пророку Махди, семь лет был в заточении; пока его не освободил Китченер, палач Омдурмана. Нойфельд в свое время написал известную книгу «В цепях халифа», где описывал свои страдания в заключении. Он более сорока лет был мусульманином, прекрасным знатоком арабского языка, но все же остался фантастом, полностью неспособным серьезно выполнить какое-нибудь задание. В Дамаске он жил по соседству со мной, как принц из сказки. Он, вероятно, стал бы еще и послом Вильгельма у сенусов, если летом 1918 г. в одной из лечебниц в Бухе около Берлина его не настигла бы смерть.

Хорошо зная об отсутствии планов выступления немцев в Турции, паши упивались своей властью. Так удобно они еще никогда не правили. С началом военных действий для них отпала всякая необходимость принимать во внимание мнение внешнего

мира. Власти ятагана в стране ничто не препятствовало. Ведь союзник ежедневно заливался признаниями в любви всему, что было турецким. Турецкие министры находили в Германии торжественный прием. Сверх всего Германия взяла на себя финансирование турецкого военного аппарата. 10 900 миллионов золотых марок, из которых 3900 миллионов чистого золота, были отправлены в Константинополь и в Софию. Никогда фунты, франки, рубли не катились в такие водопады, как марки. Берлин предпринимал все для победы Турции. Талаат и Энвер взялись за дело. Они переместили поле битвы в глубь своей страны и тут они одержали такую победу, что их имена можно ставить в один ряд с известными палачами человечества.

ИЗ ИСТОРИИ ТУРЦИИ

Истребление более одного миллиона беззащитных армян можно понять, лишь оглянувшись на историю развития турецкой империи. Этот период истории своими ужасами и преступлениями превосходит любую другую главу мировой истории. Кажется невообразимым, до какой степени мог дойти произвол правителей Османской империи, вплоть до новейших времен использовавших кинжал, яд, удушение и бесстыдное воровство. Подумать только, что кровавые деяния Абдул-Гамида большей частью имели место в нашем столетии. Но это не мешало немецкому кайзеру быть другом убийцы, так же, как кровавые деяния персидского изверга Насреддина не мешали европейским господам торжественно чествовать кровавого шаха, как в наше время чествуют господина Амануллаха. Насилие, насилие и еще раз насилие,—вот знамение турецкой истории. Нельзя ли то же самое сказать и об истории почти всех народов? Конечно, можно, но ни в одной стране мира разрушающая сила так явно не господствовала, сабля так не подавляла духовные, созидательные силы народа, как в Турции.

Из 200 великих визирей 76 умерли неестественной смертью. Одна треть всех султанов была убита.

С того времени, как орда Чингиз-хана, гоняя впереди себя маленькую турецкую стаю Сулеймана, заставила их осесть в Анатолии, турки зарабатывали на жизнь только саблей. Они стали наемниками сельджуков, вскоре захватили их государство,

разрушили прекрасные постройки. Еще их главарь, *Осман*, именем которого назвалась турецкая династия, мечтал о всемирном господстве. Он прославился тем, что поразил стрелой своего 90-летнего дядю, который хотел помешать ему захватить какой-то замок. Его сын *Орхан* (1326—1359) был создателем янычарского корпуса, отряда, который своими действиями скоро навел ужас на всю Европу и Азию. Это была одна из самых необычных регулярных армий, какую когда-нибудь знала военная история. Она создавалась из христианских мальчиков, захваченных во время походов или выкраденных из греческих и армянских семей Малой Азии. С десяти лет начиналось обучение военному делу. Питание было отличным. Этому придавали такое большое значение, что символом полка стала кастрюля, а командующий носит титул чорбаши (супной повар). С этой избалованной гвардией из профессиональных солдат первые султаны превосходили любую военную армию того времени.

В 1389 г. Мурад I разгромил сербское войско на поле Черный дрозд у местечка Косово Поле, сербское государство пало, турецкая империя стала мировой державой. Мурад пал в бою от кинжала серба. Его сын Баязид I свою деятельность властелина начал с удушения своего брата и таким образом появилась ужасная привычка, сопровождавшая почти каждое вступление на престол *братоубийством* или *убийством родственников*. Например, Магомед III (1595—1603) перед своим тронem *возвел пирамиду из голов своих семнадцати братьев*. Наследники трона попадали в клетку принца, где часто проводили полжизни, истощая себя алкоголем и женщинами, так что, придя к власти, заключенные большей частью были не в состоянии править страной. Для великих османских завоевателей было важно только то, чтобы присоединить к своей империи обширные территории стран, захватить (трофеи) и угнетать народы. Часто Турцию называли «Пруссией Востока». Если жестокое насилие является особым атрибутом пруссачества, то турки уже с более ранних времен и с большим успехом были пруссаками, чем подданные Гогенцоллернов. Но для обоих характерна неспособность к моральным завоеваниям.

Султанский двор должен был быть мощным центром огромной империи, но он все больше становился пожирающей язвой, парализующей и истощающей организм. Эски-Сераль, который с бесчисленными своими помещениями наполняет тревожным трепетом душу сегодняшнего наблюдателя, в свое время являлся, по словам Сулеймана Великого (1520—1566), *центром мира*. Властелины, начиная от Будапешта до Персии и Туниса, создали здесь для себя блистательный мир, похожий на сказку из «Тысячи и

одной ночи» с адом и раем. Мир, который во время высшего блеска охватывал тысячи самых красивых *женщин* всех народов и двадцать тысяч придворных, чьи служебные обязанности были распланы в пятидесяти томах. Здесь имели место как все безумства Клавдия и Калигулы, Нерона и Домициана, так и шумные марши Александра и Цезаря. Здесь одно лишь сморщение лба тирана могло означать смерть для сотен тысяч людей, здесь посланники европейских стран преклонялись перед султаном после долгих часов унижительного ожидания и тщательной проверки карманов придворными. В лучшие свои времена Турция не посылала представителей в чужие страны. Стамбул, сераль султана, являлся центром мира. И там господствовал страх. Как в замке сказочной принцессы Турандот, так и в залах дворца совершались казни. И те министры, по приказу которых перед их глазами обезглавливали или душили провинившегося, были готовы к тому, что с наступлением новой Порты сами могли быть схвачены и на месте казнены. Потому что над всем властвовало настроение великого властителя, а над его настроением часто преобладала воля янычаров, содержащихся при всех обстоятельствах. На первом дворцовом дворе был янычарский платан, под которым солдаты отрубали головы важных сановников, не понравившихся турецкому рейхсеру. У главных ворот (Баб и Умаюн) еще видны ниши, где повешенные на крюки головы обезглавленных ставились напоказ народу. От божества до ничтожества отделял всего лишь один шаг, как и не хватало одного шага, чтобы раб без каких-либо способностей, угодив султану, стал бы великим визирем.

Первые султаны были также военачальники, как и властители Ассирии. Некоторые из этих полководцев, как Мурад I, Баязид I и Солиман II пали на поле боя. Их действия были жестокими, часто варварскими, но при всем безграничном высокомерии у них все же имелась какая-то доля ответственности и величия. Это были сильные натуры. Однако вскоре дом османов потрясло безрассудство во всех формах. Все то, что у габсбургов, вительсбахеров и гогенцоллернов было испорчено с помощью инсульт (близкородственного размножения), выявилось у султанов из-за *распущенности и разврата*. Каждый народ имеет своего коронованного подонка. Но у османов можно найти целый ряд стоящих у трона и натравленных на народ сумасшедших, преступников и развратников, таких как Иван Грозный, папа Александр VI, Людовик XV, Фридрих Вильгельм I и II. Поэтому не удивительно, что блестяще организованные янычары все больше создавали государство в государстве и имели неслыханное влияние. Они разрешали султанам наслаждаться и сви-

репствовать, пашам—обманывать государство, наместникам—до крови мучить провинции, но не дай бог султану или визирю ущемить права янычаров в чем-либо! На следующее утро его отрубленная голова украшала бы одну из ниш Баб и Умаюн. Таков был конец двух султанов и двадцати двух великих визирей. И Турция уже сто лет разлагалась под насилием янычаров. Только в 1828 г. Махмуду II удалось на ярмарке лошадей в Константинополе с помощью Гуссейна-паши *расстрелять 40 000 этих строптивых молодчиков.*

Когда сегодня с удивлением спрашивают, как это вообще стало возможным, что правительство сильного немецкого рейха во время мировой войны оказалось таким слабозольным по отношению к младотуркам, то это нельзя объяснить только безразличием, существовавшим вообще во время войны к страшным кровавым оргиям. Младотурки во всех отношениях были наследниками старых турок. Эти карьеристы захватили власть демонической волей. Для них любое средство оправдано, лишь бы превратить Турцию снова в великую державу, какой она была когда-то, чтобы с другими державами поступать так же жестоко, как поступали столетиями. Нет, не каждый немец, живший во время войны в Турции, стал «туркофилом», в чем хочет убедить нас Екх. Ему надо было лишь разглядеть лицемерную маску эфенди, прислушиваться к тому, что говорили люди, увидеть, как нас обманывали и грабили на каждом шагу, чтобы понять, что мы были только средством для господ Талаата и Энвера к достижению расчетливой цели только для себя и для своей клики.

В 1528 г. кайзер Фердинанд послал в Стамбул в качестве посла венгра Габерданача. Когда он по поручению кайзера потребовал возвращения некоторых дунайских земель, то был заточен в тюрьму на 9 месяцев. Русский царь Василий Иванович послал султану Сулейману II в военный лагерь в Белград двух послов. Оба больше не вернулись. Когда один венецианский посланник после поражения Турции в морском бою в Лепанто в 1572 г. приехал в Стамбул, чтобы заключить мир с султаном, он получил «турецкий» ответ: *ему показали выдубленную кожу защитника Кипра венецианца Брагадино, содранную с него живьем!* В 1632 г. турки ограбили французский корабль. Французский посланник передал через своего переводчика жалобу султану. И что сделал султан? Мурад IV, который известен как один из лучших султанов, приказал тотчас же послать несчастного на кол. Турецкие властители уже двести лет не могли совершать такие зверства по отношению к другим державам. Но как только появлялась возможность, они давали волю своим кровавым страстям. Еще сто лет тому назад, во время греческой

освободительной борьбы, они приказали на Хиосе и в Пара вырезать 50 000 мужчин, женщин и детей и еще 50 000 продали в рабство. Делакура изобразил эти события на картине, которая находится в Лувре. За последние десятилетия истребления армян становились все чаще и страшнее. Об ужасных действиях, совершенных уже в наше время Абдул-Гамидом, уже кое-что сказано. Но по сравнению со всеми зверствами в турецкой истории, апогеем является массовая резня в 1915 г. на Кавказе.

* * *

Турецкий народ не культурный народ в широком смысле слова. Его язык находится на уровне негритянского идома, зато это бесподобный язык для рекрутской муштры. О литературе и речи быть не может; то что сделано в этой области, частично является сомнительным копированием из большогоклада персидской и арабской литературы. Кроме того турецкие писатели пользовались так называемым языком образованных, который своей напыщенностью не понятен ни одному простому турку. Турки никогда не имели своей архитектуры. Они просто разрушали то, что осталось от былых времен. Величественные постройки относятся к дотурецким временам (Айя-София, мечеть Оммаядов) или возведены христианскими архитекторами, служившими у султана. Наука на турецкой земле не имеет места. Турок способен только на подражание и то самым поверхностным образом, он не может быть по-настоящему созидательным ни в какой духовной области.

Зато Турция мастер вести войны, войны и опять войны. По числу войн она завоевала пальму первенства на земле. Эфенди активно действовали там, где на чашу весов ставились кулак, страх, жажда разрушения, а не ум и идеи. Позор для Германии, что она стала союзником банды стриженных на европейский манер преступников, которые только и ждали случая, чтобы осуществить самый большой грабеж и массовые убийства в мировой истории.

АРМЯНСКИЙ НАРОД

Армяне столь же мало народ ангелов, как и любой другой народ. Естественно, что характер этого народа формировался под воздействием особенностей их страны и ходом их изменчивой истории. Тысячелетиями судьба этого народа определялась желанием всех переднеазиатских держав завоевать Армянское на-

горье. Ассирийцы, персы, римляне, парфяне, византийцы, туркмены, монголы, сельджуки, турки, новые персы и русские вели борьбу за Кавказ. Страну с темно-зеленым и коричневым ландшафтом во все времена окрашивали кровью, долины изнывали от неистовств фурии войны и криков измученных людей. То, что Эльзас-Лотарингия, Польша, Ирландия выстрадали за столетия, Армения должна была выносить тысячелетиями.

Армяне, пожалуй, древнейшие обитатели своей страны. Древний армянский язык, отличающийся от сегодняшнего так же, как язык Перикла от языка современных греков, несомненно, является индоевропейским.

Армянский народ жил в основном в долинах, в то время как в горах обитали курды, которые, как бедуины, не были оседлыми, остались полукочевниками и не могли быть покорены никакими завоевателями. Курды и армяне всегда были смертельными врагами. Жители армянских долин, занимающиеся земледелием и торговлей, постоянно подвергались нападениям со стороны занимавшихся разбоем курдов. Курды же сыграли ужасную роль во всех погромах, включая истребление армян, совершившееся в 1915 году.

Армяне—христиане. В 301 г. их царь Трдат II был крещен апостолом Григорием. На соборах 451 и 491 гг. они отделились от большой церкви, создали собственное церковное общество под названием Григорианцы. Армянская католическая церковь в своих обычаях застыла на таком уровне, что иностранец, присутствующий на их церковном обряде, может получить неприятное впечатление от бездуховности и соблюдения ритуалов. Во всяком случае, когда я однажды присутствовал на торжественных похоронах, не смог преодолеть это чувство. Но армянская религия когда-то была источником большой литературы, представителями которой были великие писатели Егише и Мовсес Хоренаци. Духовным главой григорианской церкви является католикос Эчмиадзина, который владеет высочайшей реликвией— десницей святого Григория.

Армянский народ в рамках турецкой империи, что совершенно естественно, жил в определенном смысле своей собственной жизнью. Это вытекало из его своеобразия, замкнутости его культурной сферы. Но чем же армяне не угодили правителям страны? Такой же вопрос можно задать и относительно поляков, чехов, украинцев, хорватов, а также бывших и настоящих национальных меньшинств всего мира, и всегда и везде получить один и тот же ответ: каждый народ имеет полное право на сохранение и выживание своего рода, при этом не растоптав права другого народа. Кому должны угрожать армяне? Турецкие эфенди являются самой коррумпированной кастой господ на земле. А

турецкий народ? Эта бедная, измученная, тупая деревенщина, не умеющая ни читать, ни писать, терпеливое вьючное животное господствующего слоя. Где тут могли быть точки соприкосновения для высокоразвитого народа? И все же армяне по возможности приспособлялись. Армянский язык постепенно исчезал, турецкий становился языком общения. Я не встречал ни одного армянина, который не знал бы турецкого языка. Мольтке в своих мастерски написанных письмах к матери с восхищением подчеркивал прямо-таки детскую веру армян в справедливость султана. Тогда, в 1840 г. армянские погромы еще не являлись правилом и Германия еще не имела интересов в Турции. В 1898 г. Фридрих Нойман в своей книге «Азия» под влиянием только что свершенных массовых убийств армян с неизмеримым лицемерием писал об измученном народе и его судьбе, когда погромы в течение нескольких десятков лет отняли сотни тысяч жизней и когда немецкой общественности с избытком преподносились розовые описания о немецких перспективах в Турции.

Армяне в своем подавляющем большинстве честные трудолюбивые крестьяне с особо ярко выраженной родственной привязанностью. Армянин чадолобив. Не будь он таким, то массовые истребления за последние десятилетия, до 1915 г. искоренили бы этот народ. Совершенно мирный образ жизни, блестящая интеллигентность многих армян создали такую предпосылку, что лучшие учителя, врачи, переводчики и торговцы Передней Азии были армяне. В Восточной Анаголии они являлись основной силой цветущего сельского хозяйства. По всей стране, вплоть до Сирии и Палестины, ремеслами в основном владели армяне, торговля была в руках армян, лишь на побережье ею занимались и греки.

Будучи прекрасными коммерсантами, армяне пользовались тупостью и леностью турок. А разве армяне должны были стараться быть такими же лентяями и невежами, как турки? Не могло же мировое движение остановиться перед границами Турции! Армяне протянули мосты к европейскому прогрессу. Это, естественно, явилось результатом их торгового предпринимательства. Купец, усвоивший во время сотрудничества с внешним миром современное мышление и соответствующие духу времени методы, разумеется, особенно четко видит беспорядки в собственной стране, прегрешения и ошибки правительства. Турки никак не могли простить того, что некоторые армяне стали богатыми, что весь армянский народ стремился повысить уровень духовного мышления европейским обучением молодежи, и у него возникла мысль, что ему не нужно вечно быть объектом повторяющихся истреблений. Турок видел, как шатко его гнилое государство,

но к нему не приходило просветление, что разрушение можно предотвратить только отказом от старых методов. Турок чувствовал свою несостоятельность творить, он всегда был насильником, господином, а тут был народ, который по праву заявлял на весь мир, что с ним опять обращаются с возмутительной бесчеловечностью.

Что могло произойти после этого? Или надо было идти на уступки и ладить с армянами, или продолжать истреблять армян и дать возмущать миру возмущаться позорными действиями турок, или «понять» их. Господин Нойман был за возмущение и за понимание.

ПАСТОР НОЙМАН

На Берлинском конгрессе 1878 г. Турция под давлением держав торжественно обязалась провести реформы внутри страны и в основном обеспечить жизнь христианского населения. Многочисленные избиения привели к единому фронту против кровавого правительства Абдул-Гамида. Турция подписала все, но ничего не выполнила. Это нашло полное одобрение со стороны господина Ноймана. Несмотря на то, что в течение этого времени было совершено много кровавых истреблений, он в 1898 г. писал:

«Их (русских и англичан) вмешательством двадцать лет тому назад на Берлинском конгрессе были приняты реформы для Армении, главным пунктом которых, по нашим понятиям, было процентное участие армян в государственном правлении, а по турецкому понятию, требование свержения государства. Если это требование осуществится, то по силе логики армяне станут противниками турок, несмотря на то, что они сегодня являются честными, тихими и выгодными подданными султана. Именно поэтому Высшая Порта могла дать обещания перед всей Европой, но, разумеется, только обещания, которые, как говорил Бисмарк, длятся столько, сколько длится ситуация, в которой они возникли».

Как видно, для господина пастора «турецкие понятия» стояли выше, чем находящаяся под угрозой жизнь сотен тысяч лю-

дей, а также международное право. Таким образом, уже тридцать лет тому назад имела место мораль «клочка бумаги».

Давайте дадим слово Нойману 1898 года для представления интересной части его политической этики:

«То что представил нам Лепсус о мучениях армян, превосходит все, что мы знали до этого. Так что же мешает нам схватить за руку турка и сказать: «прочь, негодяй!» Нам мешает одно, что турок отвечает: «я тоже борюсь за свою жизнь!» *И мы верим ему. Мы верим при всем возмущении на кровавое мусульманское варварство, турки нужный нам народ, и мы считаем, что армянский вопрос и истребление армян в первую очередь являются внутривосточным делом турок, что это смертельная борьба старой великой империи, которая не хочет дать убить себя без последней кровавой попытки к спасению».*

Эти «христианские речи» господин Нойман писал во время путешествия к Святой могиле! Он знал, что в день рождества 1895 г. в кафедральном соборе Урфы заживо были сожжены 1200 армян. Давайте послушаем точку зрения мирового политика:

«Наша политика на Востоке установлена давно, мы относимся к группе протекторов Турции, с этим мы должны считаться. Наше государство сделает все, чтобы помешать оказанию всевозможной христианской и гуманистической помощи армянам. Иначе положение английских христиан. Если их религиозные стремления имеют успех, то потому, что их государственные деятели поддерживают их, так как Англия старается подрывать Турцию снизу. Почему мы так не поступаем? Неужели не было бы красивее и благороднее, если б мы тоже стремились подорвать туркизм? *Кто здесь за угнетенных, там тоже должен быть за них. Итак, почему не за свободу, прогресс, справедливость в Армении?* На что нам старое, гнилое турецкое государство? Тут начинается дискуссия, выходящая за рамки армянского вопроса, а именно, дискуссия о том, почему Германия, имея такие силы, еще не может вести такую политику, как англичане. Они не могут произвести переворот, потому что они в состоянии оккупировать. Нам нужно время для развития и становления. Познать наше время и дождаться своего часа—*тоже своего рода выполнение воли божьей».*

Выполнить божью волю, таким образом, по мнению этого сына божьего, означает думать так: сотни тысяч людей истреб-

ляют и ты должен возмутиться, тем более, что они христиане. В сущности об этом следовало бы горевать и хоть немного позлиться на убийц, так как такое убийство все-таки некрасиво. И в конце концов мы же честные христиане. Но то, что немецкий банк финансирует Багдадскую железную дорогу, соответствует особому желанию бога. Бог был достаточно умным, чтобы понять, что, хотя, турецкое государство представляет из себя запущенную мусорную свалку, но это не мешает тому, чтобы быть полем действия для немецких военных миссий. Турки волею бога являются подлецами, мучителями, варварами, невеждами, а немцы волею бога являются писателями, мыслителями, генералами, пасторами и пангерманскими демократами. Из этого можно делать только один вывод, что Турция не может разложиться сегодня, ибо завтра должна достаться немцам. И если до этого произойдет истребление нескольких сотен тысяч невинных людей, жаль, жаль, но все это божья воля...

Метафизика, ты стала проституткой насилия!

СВЕРЖЕНИЕ АБДУЛ-ГАМИДА

Пока Абдул-Гамид правил своей кровавой властью, армяне ежедневно ждали новых истреблений. Если внутриполитические трудности были настолько большие, что в отдельных частях страны ожидалось восстания, то бойни были тем вентилем, которым правительство старалось разряжать обстановку. Это было похоже на то, как в России еврейскими погромами пытались отвлечь народ от политических и экономических требований. Так же, как в 1878 г. Бисмарку удалось в связи с покушениями Гёдела и Нобилинга издать исключительный закон против социалистов, так и в Турции, используя диверсии отдельных лиц, приписывая эти преступления армянам, побудили дрожащего за свою жизнь султана издать приказы об истреблении армян и привели в неистовство мусульманский народ, подняв их против последних. Еще не придя к власти, младотурки упрекнули султана в том, что во время его правления были истреблены 500000 человек.

В июле 1908 г. в Салониках началась турецкая революция. В течение многих лет бытовало мнение, что только коренными изменениями и серьезными реформами Турция в состоянии избежать участи быть раздробленной и стать легкой добычей для великих держав. Стремления отделиться распространились особен-

но в арабской части огромной империи, во Фракии и в Албании уже вспыхнули восстания. Финансовый механизм зашел в тупик, и Абдул-Гамид пытался и дальше держать страну в своих руках под постоянным страхом с помощью армии шпииков. Подождал конец деспотизму османских султанов.

Молодые офицеры, некоторые добровольно, другие как ссыльные, жившие в Македонии, стали ведущей силой одного из удивительных военных мятежей в истории. Молодой майор Энвер и его друзья потребовали от султана восстановить уже на три десятилетия преданную забвению конституцию. Восставшие подались в горы, угрожая оттуда двинуться на Константинополь. Как большинство генералов, так и духовенство присоединились к требованию революционеров. *Абдул-Гамид потерпел фиаско и... стал во главе революционного комитета!* Конституция была восстановлена. Султан сам теперь употреблял до сих пор запрещенное под угрозой смертной казни слово «родина». Из своих огромных активов в немецких и в английских банках он делает взнос в государственный бюджет, у министров отбирают ворованные миллионы, освобождают политических заключенных, а также часть уголовных преступников. Волна вдохновения прокатилась по всей стране: «свобода», «прогресс», «родина»—звучало на улицах. Турки, армяне, греки были воодушевлены, они братались на митингах. Революция, во главе которой кровавый султан!

Очень редко властелин уступал свое место без борьбы. Через 276 дней Абдул-Гамид благодаря своим огромным финансовым средствам поднял страну против младотурок. Он пытался дискредитировать новый курс перед границей такими мерами, которые могли прийти в голову только азиатскому тирану. Приказом Абдул-Гамида был свершен страшный геноцид армян, который унес 200000 жизней. В Адане за несколько дней было вырезано 25000 армян. В других местностях последовало то же самое. Руководители младотурок вынуждены были убежать. Тогда выступила армия под командованием Мехмета Шовкета-паши, которая спасла страну. Она тут же двинулась на Константинополь, заняла город, осадила дворец султана. Решением шейх-уль-ислама, высочайшего духовного вельможи, Абдул-Гамид был свергнут и выслан в Салоники, а его место занял его брат Мехмед Решад.

Дорога для младотурок была свободна. Комитет «Единение и прогресс» скоро добился безграничной власти в стране. И что же, наступил ли прогресс? Был ли поднят флаг благонравия и человечности? Мы увидим, что кроваво-красный османский флаг стал для целого народа надгробным покрывалом, и новые властители всего лишь завершили кровавое дело изгнанных убийц.

ОБМАНУТЫЕ ЛИДЕРЫ

Страшные удары судьбы, испытанные армянским народом при Абдул-Гамиде, способствовали образованию армянской народной партии «Дашнакцутюн», которая руководствовалась исключительно демократическими принципами. Таким образом у народа появился орган, через который он мог бы обратить внимание мировой общественности на злодеяния, совершавшиеся над ним. Вожди этой партии по-братски действовали вместе с младотурками, так как программа последних со своими требованиями демократических преобразований в империи и равноправия всех народов в соответствии с их численным составом полностью отвечала желаниям армян. Лидеры младотурок и армян крепко подружились. Убогим карьеристам во всем содействовали образованные и в основном богатые армянские лидеры. И когда в апреле 1909 г. охранники Абдул-Гамида преследовали младотурецких лидеров, дашнакские руководители, подвергая свою жизнь опасности, скрывали их. Армянские лидеры были союзниками мужей, обещавших вычеркнуть кровавое прошлое. Когда революция победила, народные массы, во главе с мусульманскими и армянскими духовниками, шествовали по улицам Стамбула, а в одной армянской церкви состоялось трогательно-торжественное оплакивание жертв с двух сторон.

Когда сегодня оглядываешься назад и анализируешь те события, армянские лидеры кажутся жертвами своей преданности и веры в людей, которые вскоре показали свое истинное лицо. Даже парализующий страх, который охватил их после истреблений в Адане, был преодолен. Там мужчин разрывали на куски и их мясо бросали собакам. Заживо были сожжены сотни армян, нашедших убежище в церкви. На одном кладбище гонялись за людьми как за дикарями и вырезали их прямо над могилами. Младотурки проявили полное безразличие. Казалось, они боялись только огласки за границей, а само преступление им было по душе. В 1911 г. младотурки обманули армян и не дали им обещанных десять мест в парламенте. Обманутые подавили гнев. Что им оставалось делать? Они продолжали надеяться, вновь и вновь доказывали новому правительству свою лояльность, особенно во время балканских войн, когда государство трещало по

всем швам. Когда в ноябре 1914 г. Турция вступила в мировую войну, армянская партия полностью признала себя ответственной в деле защиты турецкого «отечества».

Надеялись. На что? По крайней мере надеялись на то, что то доброе, что было пережито в совместной борьбе против кровавого султана, не прошло бесследно мимо тех, в руках которых теперь находилась власть. Надеялись на мнение мировой общественности, на ее поддержку. Считали невозможным, что правительство могло быть таким глупым, чтобы, уничтожив самую деятельную часть народа, обречь всю страну на бедность. Думали, надеялись... но у младотурецких правителей были особые расчеты. И они взялись за дело: *в 1915 г. хладнокровно убили армянских друзей, которые в 1909 г. спасли им жизнь.*

МЛАДОТУРКИ У ВЛАСТИ

Деятельность младотурецкой власти с первых же дней проходила под знаменем диктатуры. Комитет «Хурриет ве иттихад («Единение и прогресс») располагал такой же полнотой власти, как и комитет общественного спасения во французской революции, но только не имел в своем руководстве личностей неподкупных, как Робеспьер и пылких идеалистов, как Сен-Жюст. В турецкой революции отсутствовали борьба за идеи и сила таких великих умов, как Кромвель, Мирабо, Дантон, Ленин. Младотурки боролись не за народ, не было борьбы и разных мнений друг против друга, отсутствовал гром штурма Бастилии, 9-й термидор. Борьба шла не за новое образование, не за улучшение жизни народа, а за удовлетворение страстного желания отдельных людей властвовать, для которых народ был ничто, а высокомерие — все. Вместо одного тирана, мастерски владеющего азбукой утрашения, пришла власть устрашения кофейных интеллигентов и офицеров, для которых описание жизни Наполеона служило инструкцией и руководствуясь которой каждый надеялся стать Наполеоном. Об Энвере говорят, что над его письменным столом висели портреты Фридриха II и Наполеона, а между ними портрет самого Энвера в позе, которую и сегодня можно видеть на коробках немецких сигарет.

С первого же дня в комитет входили только члены турецкой национальности. Ни один араб, грек, тем более армянин не мог

знать, что делалось в Комитете. Таким образом, заранее была предотвращена возможность влияния двух третей части населения на историю страны. Это была чисто националистическая власть, диктатура, дилетантизм которой лучше всего можно понять, представив себе действия правительства Каппа в 1920 году. Конечно, были и планы ввести в Константинополь увиденное в Берлине и Париже. Вскоре, после того как с большим вдохновением раструбили о запланированных преобразованиях, многое застопорилось уже в самом начале. То что нам рассказывали пророки немецко-турецкого братства о реформаторской деятельности младотурок, увидено глазами людей, стремившихся во что бы то ни стало преподнести немецкому столу завсегдатаев нечто красивое и величественное. Разруха продолжалась, комитет держал в своих руках все богатство страны со времен Абдул-Гамида, «революционеры» получали оклад пашей, Энвер стал зятем султана. Во время моего трехлетнего пребывания в Константинополе и в Сирии я имел возможность убедиться, что младотурки в течение шести лет, до начала мировой войны, мастерски овладели искусством командовать. Шеф немецкой военной миссии генерал Лиман фон Сандерс в своих мемуарах горько жалуется на прямо-таки детские распоряжения вице-генералиссимуса Энвера-паши. Во всех других областях было не лучше. Безнадёжно выглядели все общественные предприятия. Очень важный для судоходства и армии арсенал в Константинополе превратился в огромную грудку обломков. Крыши целых машинных залов были развалены. Хлам и шлак покрывали землю высотой с метр. А в руинах сидели толпы молодых офицеров с трубками наргиле, чтобы «управлять» этим хаосом. Когда мне поручили поставлять металлолом для нашего литейного завода, я нашел находившиеся еще в формах огромные куски железа весом от 20 до 30 тысяч кг. Сотни тысяч марок выливались в землю, тратились попусту. Прессы, паровые молоты и огромные краны, заржавели, колёсики были так запущены, что для транспортировки больших тяжестей нужно было применять деревянные ролики. Большую стальную мартеновскую печь недавно просто заморозили. Новейший бессемеровский конвертер перевернутый лежал в яме. Многочисленные судовые цилиндры лежали в воде, мы их вытащили, чтобы выплавить драгоценный металл. С выплавлением ничего не вышло. Когда материал сделали пригодным, ночью его у нас украли. В арсенале находились несколько директоров предприятий, которые не умели ни читать, ни писать. Один немецкий новехонький станок стоял в зале, куда проникал дождь. Еще ни разу не эксплуатированную прекрасную машину надо было гранулировать.

Так выглядел первый промышленный цех страны прямо перед глазами военного министра. В Смирне, Бейруте и Дамаске было хуже. Младотурки были так же неспособны, как и старые турки.

ТУРЕЦКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

Чем меньше достижений было в практической работе, тем больше младотурки упивались своими грандиозными планами. Еще никогда политической властью не правили более опасные фантазеры. Это были в худшем понимании слова—невежды. Комитет «Единение и прогресс» был охвачен империалистической иллюзией. Еще в начале века афганский дервиш Джемаледдин пытался внушить кровавому султану, что турецкую политику надо вести с точки зрения большего панисламизма, чем делалось до сих пор, так как только таким путем можно сохранить Турцию от полного перемальвания со стороны Англии и России. Несмотря на большое искусство убеждения Джемаледдина, владеющего такой же силой внушения, как Распутин, Абдул-Гамид был достаточно умен, чтобы отказаться от этой игры с огнем. Младотурки подхватили ход мыслей афганца и сформировали его в пантюркистскую идею. Это давало возможность фанатикам развить их фантазии до бесконечности. Мы, немцы, хорошо знаем, на что может быть способен плод политизированного безумия. Вспомним только Даниеля Фримана, профессора Раймара и многих других садоводов пангерманского тепличного растения.

Империалистическое опьянение, завладев умами младотурок, скоро взяло верх над реальными политическими соображениями, под кричащей необходимостью перестройки внутри страны, над страхом перед мнением внешнего мира, который помешал даже Абдул-Гамиду довести до конца истребление армян.

В 1912 г. Даниель Фриман написал свою безумную книгу «Если б я был кайзером». В ней он требовал проведения таких невероятных мер, что сильно усилилось особенно во Франции существующее недоверие к Германии. Фриман требовал высылки всех датчан, которые не признавали себя пруссаками, лишения права голоса польских депутатов, запрета польского языка на собраниях, высылки говорящих по-французски эльзасцев, диктатуры в Эльзас-Лотарингии, аннексии Бельгии и Голландии со

стороны Пруссии, добиться выхода к Адриатике насильственным путем, высылки всех социалистических лидеров и агитаторов, а также требовал поставить евреев в положение иностранцев. Точно также рассуждали и младотурки. Но то, что в Германии явилось всего лишь призывом к борьбе одной сильной группы, в Турции действовало в мероприятиях правительства. Скоро начал действовать страшный националистический режим, начавший беспощадную борьбу против всего нетурецкого в стране. Заграницу питали экспансивными планами фантастического масштаба.

Когда председатель восточной миссии доктор Лепсиус по ходатайству немецкого посла и с соглашения немецкого министерства внешних дел в июне 1915 г. нанес визит военному министру Энверу-паше, выражая свое возмущение в связи со свирепствующими армянскими погромами, он старался своими нравственными словами подействовать на этого щеголеватого человека. Он обратился к политическому благоразумию кумира многих немцев, при этом представляя ему следующее:

«Крупная и мелкая торговля находится в руках греков в прибрежных областях, а во всей Анатолии полностью—в руках армян. Армяне являются желудком страны. Вы сейчас вырезаете желудок и думаете, что другие члены—туркмены, курды, лазы и черкесы смогут взять на себя его функцию. Это заблуждение».

Энвер улыбнулся:

«Может быть, несколько лет после войны у нас будет слабый желудок. Мы отдохнем. Подумайте, турецкий народ—это 40 миллионов людей. Когда они будут сплочены в одном государстве, тогда в Азии мы будем играть ту же роль, что Германия в Европе».

Это было вероисповедание могущественнейшего человека Турции. Надо признаться, что Энвер был достойным учеником великих мастеров цинизма—Талейрана, Меттерниха и Бисмарка. Турецкий народ в Османской империи составлял около 9 миллионов человек. Энвер замыслил завоевать еще территорию, охватывающую остальные 31 миллион турок. Таким образом, турецкий Александр намеревался совершить захватнические походы приблизительно до Китая.

Во время войны детям в немецких школах, вместе с сугубо немецкими требованиями, в военных целях также вдалбливали турецкие экспансионистские планы в духе Энвера. В книжке инспектора районной школы Гауптмана «Цели войны. Методическая помощь для современных занятий» написано:

«Теперь о дальних странах: Персия, Центральная Азия, Хива, Бухара, Туркестан. Как мы увидели, здесь

ведь тоже живут магометане. Более того, есть связь между Турцией и мусульманами этих территорий. Здесь прародина турок. Здесь жили их предки. Отсюда их предки рысью добрались до юга и юго-запада. Турки давно забыли об этом. Они больше не думали о том, что было когда-то. Их мужество было раздавлено. Их враги по кусочку отрывали от старой турецкой империи. Турция стала наподобие больного человека. Турок снова надеется, снова тоскует, снова имеет цель перед собой... Но особенно горячо бьется сердце турка при мысли о тех землях, которые теперь принадлежат русским. Для них это родина, отечество. В стихотворениях поэты воспевают их, и все повторяют:

«Отечество турок не Турция.

И не Туркестан.

Это далекая, вечная страна—Туран!».

Если внешнеполитическая цель как блуждающий огонек маячила перед глазами турок, то в своей стране они служили своему националистическому делу железной логикой. Они хотели создать свое национальное государство, которое беспощадно отклонило бы любую концессию национальным меньшинствам. То, что арабов невозможно на долгое время усмирить и продержат, с этим в Стамбуле более или менее примирились. Но от христианских народов надо было наконец избавиться, чтобы больше ни один чужак в их собственной стране не смог затормозить националистический захватнический поход. Против всего нетурецкого с 1914 г. принимались меры с большим энтузиазмом. Все иностранцы, даже местные немцы, подвергались невыносимому давлению и произволу. В Константинополе, в этом многоязычном городе мира, исчезли все европейские, в том числе немецкие вывески фирм. Армянская и греческая пресса была подавлена штрафами и запретами. Это были предвестники тех страшных мер, которые будут предприняты в дальнейшем для «очистки» страны. Первый удар был направлен против армян. С ними они думали разделаться быстрее всего, так как армяне считались беззащитными. Потом должны были последовать греки и евреи. И, пожалуй, в конце концов из страны выгнали бы немцев, если страны Центральной Европы и Турция выиграли бы войну.

Однажды Меттерних сказал: «Мы удивим мир нашей неблагодарностью!». Господа Нойман, Екх, Рорбах и Хельферих—Багдадская железная дорога—насмотрелись бы чудес от победоносной Турции.

Когда побежденные турки через несколько лет после поражения выгнали из Турции полтора миллиона греков на глазах у всего мира, что же случилось бы, если победили бы Энвер и Талаат. Жаль, что мировая история упустила такую грандиозную шутку! В этой войне Германия была для турок достаточно хороша, чтобы подержать занавес, за которым были вырезаны более миллиона невинных мужчин, женщин и детей.

ПРИЗРАК СМЕРТИ

Во время Абдул-Гамида один министр сказал: *«Армянский вопрос можно решить наилучшим образом, истребив всех армян»*. Это выражение нашло одобрение со стороны геттингенского географа Эвальда Банзе. В своей книге «Турки» он назвал его не совсем несправедливым выражением. Этим замечанием господин профессор покрыл немецкую науку позором, который ему трудно будет смыть.

Один турецкий министр во время войны выразился следующим образом: «В конце войны в Константинополе не будет ни одного христианина. Город так основательно будет очищен от христиан, что Константинополь станет подобно Каабе» (высшее святилище ислама). Начальник отдела министерства юстиции сказал одному армянину: «Для нас и для вас в этой империи нет больше места, и было бы безответственным легкомыслием, если мы не воспользуемся возможностью, чтобы избавиться от вас».

«Возможностью» являлась война на стороне Германии.

В своей обвинительной книге «Гибель армянского народа» (Потсдам, «Темпель-ферлаг») Лепсиус опубликовал отрывки из армянской партийной корреспонденции. Страшно читать, как армяне все больше и громче заявляют, что они постепенно теряют надежду и видят надвигающуюся на них страшную катастрофу. В Турции армянам уже сказали: *«Вы, армяне, виноваты в неудаче этой войны и мы вас уничтожим»*.

Уже 18 марта 1915 г. военный министр запретил центральный орган армян «Азатамарт». В Константинополь доходили уже первые слухи о погромах. 21 апреля 1915 г. турецким правительством был составлен приказ об истреблении армянского на-

рода и соответствующий приказ получили военные и гражданские ведомства. Талаат и Энвер одержали победу над робким великим визирем, египетским принцем Сеидом Халилом-пашой. В Константинополе были арестованы около 600 армянских интеллигентов и транспортированы в глубь Анатолии. Таким образом народ лишили своих предводителей.

Депутат Варткес, который находился в особенно дружественных отношениях с младотурецкими лидерами, после ареста друзей посетил шефа полиции Бедри-бея, с мизерной надеждой услышать от своего старого друга слова утешения.

Варткес — Вы слишком далеко зашли.

Бедри — Джаным*, что мы сделали?

Варткес — Вы подстрекаете наш народ и толкаете его в бездну отчаяния.

Бедри — Я даю тебе три дня, чтобы уехать из Константинополя.

Варткес — Моя жена больна, мне необходимо самое малое 10 дней.

Бедри — Как я сказал, так и будет.

Варткес и Акнуни посетили своего старого товарища по борьбе, чтобы спросить, почему были арестованы невинные люди. Талаат ответил: *«Я не мог этому препятствовать»*.

12 апреля Талаат сказал Варткесу:

«В дни нашей слабости вы взяли нас за горло и подняли вопрос об армянских реформах. Вот почему мы должны воспользоваться благоприятными обстоятельствами, в которых сейчас находимся, и так рассеять ваш народ, чтобы на целых пятьдесят лет вы выкинули из головы мысль о реформах».

Варткес — Значит, собираетесь продолжать дело Абдул-Гамида?

Талаат — Да!

Маска спала. Семь чаш апокалипсиса были вылиты на один бедный народ. Через несколько недель депутат Варткес был зарезан в ущелье Кемах. Убийца был адъютант зятя Энвера-паши. Жена Варткеса получила от правительства сообщение, что ее муж в ссылке покончил собой.

Высланные из Константинополя армянские лидеры из ссылки послали Талаату следующую телеграмму:

«Организация, которая всеми силами содействовала Вам во имя благоденствия и прогресса империи, сегодня находится в таком странном и уму непостижи-

* Джаным—душа моя, мой любимый друг.

мом положении, что только этот факт должен быть для Вас достаточным, чтобы поставить конец этому постыдному состоянию. Подумайте, что такое поведение турецкого правительства против представителей армянского народа омрачит взаимоотношения между двумя нациями и приведет к отчуждению двух народов. Мы никогда не могли представить себе, что после нашей совместной деятельности будем вынуждены отсюда по телеграфу вести с Вами переговоры.

Акнуни, Зардарян,
доктор Нащаян».

Бедные люди все еще надеялись. Их смерть давно была предreshена. От 600 константинопольских интеллигентов около 590 были убиты.

Часто высказывают мнение, что убийство более одного миллиона армян объясняется не столько продуманным планом резни, сколько определенными злосчастными обстоятельствами, которые не были предвидены правительством. Из дошедших до нас приказов Талаата недвусмысленно вытекает, что цель правительства была не переселение армян, а их уничтожение. Эти приказы, которые с сентября 1915 г. до марта 1916 г. посылались в ведомства Алеппо, частично были представлены в оригинале во время процесса над Тейлеряном.

Уже в марте 1915 г. турки в образе человека и думающие по-человечески собирались предпринять истребление армян в Эрзруме.

В мечетях моллы, ссылаясь на Священную войну, верующих натравливали на христиан. В некоторых местах даже утверждали, что погромы совершаются по распоряжению немецкого правительства.

Стоит отметить, что были и такие высокопоставленные турецкие служащие, которые наотрез отказывались участвовать в кровавом деянии. Среди таких честных людей следует назвать особенно вали Алеппо и Эрзрума. Оба были отстранены Энвером-пашой от должности из-за своей человечности.

БРОДИТ АНГЕЛ СМЕРТИ

В июне 1915 г. Талаат-паша дал указание органам гражданской власти начать «депортацию» армян. Тучи беды уже месяцами

надвигались над обреченным на смерть народом, и вот с оглушительной силой грянул гром. Уже с января турецкое правительство со всей жестокостью принимало меры против армян Восточной Анатолии. Большой частью предлогом для преступного вымогательства денег являлось обвинение в шпионаже и незаконном хранении оружия. В тюрьмах заводились следственные акты против тысяч людей, давая возможность служащим и жандармам подвергать заключенных варварскому обращению.

Все население было сильно возбуждено слухами о преступлениях, творившихся в Армении.

И вот из Стамбула пришел смертоносный приказ. Талаат и Энвер, конечно, знали, что означал приказ «выслать все не совсем безупречные семьи в Месопотамию». В Месопотамии были такие убогие, бедные земли, что там невозможно было сразу поселить полтора миллиона людей, тем более, что для принятия такой массы людей не были предприняты даже самые малейшие приготовления. Поселение означало бы удвоенное месопотамского населения. И потом, надо себе представить, что означает оторвать целый народ с женщинами и детьми от земли, где они жили сотни тысяч лет, гонять потоки ограбленных, беспомощных людей на сотни километров по суровой горной стране в самый разгар знойного лета, обрекая их на голод, жажду, болезни. Сотни тысяч людей месяцами без крова, без медицинской помощи, без гигиенических условий—уже только это—смертный приговор десяткам тысяч!

Власти страны, должно быть, уже долгие месяцы готовили для них эту жуткую участь. Потому что как только из Стамбула пришел смертоносный приказ, со зловещей тщательностью повсюду началась работа Люцифера. Главным образом окружали города и села и требовали от мужчин сдать оружие. Оружие было у очень немногих и то большей частью осталось со времен переворота, когда младотурки давали его армянам, чтобы они защищали новый режим. У кого находили оружие расстреливали на месте или умертвляли более страшным образом. Мужчин веревками привязывали друг к другу и умертвляли часто недалеко от дома. Близкие слышали их предсмертные крики. Потом приказывали женщинам и детям в течение нескольких часов, часто нескольких минут, приготовиться к отправке.

Из города Зейтун таким образом вывели 20 000 людей. Только шести ремесленникам разрешили остаться. А остальные? Они должны были оставить свое имущество, которое расхищалось жандармами и чернью или же в спешке продавалось владельцами по смехотворно низким ценам. Потом обреченных на смерть гоняли из Зейтуна в Мараш, оттуда через Тавры до Карабунара,

где они должны были основать так называемую колонию. Я часто бывал в Карабунаре и знаю, что это одна из беднейших и вредных для здоровья местностей Анатолии. Туда прибыло около 6000—8000 армян, за несколько дней сыпной тиф скосил более ста человек. А что случилось по дороге? Доктор Лепсиус приводит об этом показания одного очевидца:

«У старых женщин от бессилия подкашивались ноги, но когда заптий приближался с поднятой палкой, они, собрав последние силы, вскакивали. Других подгоняли как ослов. Я видел, как одна молодая женщина упала, заптий нанес ей два-три удара, и она с трудом снова встала. Впереди шел ее муж с двух- или трехлетним ребенком на руках. Чуть дальше одна старая женщина споткнулась и упала в грязь. Жандарм подтолкнул ее два-три раза дубинкой. Она не двинулась. Потом он два или три раза ударил ее ногой, но она лежала неподвижно. Жандарм еще раз так сильно ударил ее ногой, что она свалилась в яму. Надеюсь, что она была мертва... Мой референт рассказывал, что по дороге от Кони в Карабунар одна молодая армянка бросила своего новорожденного ребенка в колодец, потому что больше не могла кормить. Другая бросила своего ребенка из окна поезда».

Тот же очевидец:

«Один бывший богатый армянин из Зейтуна тащил с собой остаток своего имущества—двух козлов. Подошел один жандарм и схватил за веревку. Армянин начал просить его оставить ему козлов, так как у него больше ничего нет, на что он мог бы жить. Вместо ответа жандарм начал бить его налево и направо, пока тот не упал в пыль, и пыль превратилась в кровавую грязь».

Тысячи умерли такой мученической смертью. Женщин с грудными детьми и беременных кнутами гнали вперед как скотов... Совершались изнасилования среди бела дня. На промежуточных стоянках жандармские офицеры вырывали женщин из толпы и раздаривали мужчинам для любого применения. Жандармам доставляло особое наслаждение на местах передышки по-скотски мучить мужчин, часто перед глазами родных. Они жгли их калёным железом, вырывали ногти и волосы и применяли особенно чисто турецкий метод мучения, который был в ходу и в армии—бастонаду, удары по пяткам ног, пока не лопалась кожа.

В Трапезунде очистили около тысячи армянских домов. Там была применена такая форма умерщвления, которая проводи-

лась во время французской революции под названием «Нойаде». Мужчин погружали на пароходы, а через несколько часов пароходы возвращались пустыми... В Трапезунде члены младотурецкого комитета выбирали самых красивых армянских воспитательниц детских домов для пользования на своих оргиях.

В Эрзруме, против воли вали, были организованы банды, которые подвергали страшным пыткам тех армян, которых подозревали в хранении оружия. Жандармы также пользовались этими методами, чтобы вырвать признание о спрятанном оружии. Мужчину, по имени Амаяк, так избили, что он больше не мог ходить. Потом в тюрьме клещами вырвали ему зубы и волосы. Когда мученик терял сознание, его обливали водой и приводили в сознание.

В деревне Мерватзик старший лейтенант жандармерии Сулейман вместе с бургомистром Абдулом-эфенди заставил крестьян, после того, когда они были замучены, купить оружие у соседей турок. В деревне Аркан кнутами так ударяли женщин и мужчин, что женщины теряли сознание. В деревне Моллах избили крестьян, потом их лица намазали экскрементами и бросили их в реку. В одной церкви прервали службу и священника подвергли пыткам. В деревне Махмуд Бекри Сулейман и его сообщники били трех крестьян до потери сознания, обливали водой, приводили их в чувство и снова истязали. Одному крестьянину оторвали два пальца. Если крестьяне не были в состоянии назвать членов армянской народной партии и места укрытий оружия, насиловали женщин.

ЧЕРТОВО УЩЕЛЬЕ

Депортированных армян Трапезундского и Эрзрумского вилайетов погнали по долине Евфрата до ущелья Кемах. Это глубокий, крутой каньон в горах, где река превращается в быстрину. То, что разыгралось здесь со многими тысячами армян, представляет картину такой невообразимой жестокости и зверства, что, кажется, еще раз сконцентрировалось все безумие тысячелетий и возвысилось на этом клочке проклятой земли, чтобы в образе огромного чудовища торжествующе выкрикнуть пылающему ионьскому солнцу, что вся цивилизация всего лишь вуаль, которая каждый день может быть разорвана жестокостью двуногого изверга.

Писатель Ф. Р. Норд в своем романе «Сирануиш» (немецкое издательство, Штутгарт) описал картину зверств в Кемах, которую можно считать больше безумным плодом чудовищной фантазии писателя, чем изображением реальных событий. Ужасы, изображенные Э. А. По и Е. Т. А. Гофманом, блекнут перед тем, что творилось в 1915 г. у союзников Вильгельма II.

8, 9, 10 июня толпы армян покинули город Ерзика в сопровождении военного конвоя, который должен был обеспечить безопасность транспорта, состоящего из шагающих людей и сотен повозок волов. Они шли в Кемах, в следующий окружной город. Из десятков тысяч армян, гонимых по долине Евфрата, только небольшая часть достигла места назначения. Беззащитные люди в ущелье были подвергнуты нападению солдат и кровожадных курдов, ограблены, а потом вырезаны в приступе кровавого безумия. Под дикие вопли режущих извергов в зияющую пропасть бросались горы полумертвых и трупов. Треск раздробленных человеческих тел снова и снова раздавался между скалами, смешиваясь с безумными стенаниями скорчившихся в предсмертной агонии жертв наверху. Перед глазами мужчин и женщин расчленили и разрезали на куски детей и близких, их истекающие кровью тела разбивали о выступы скал. Потерявшие рассудок перед призраком ада матери и жены прыгали вслед за своими детьми и мужьями в пропасть смерти. Отчаявшиеся человеческие существа падали на колени перед мокрыми от крови извергами и молили поскорей убить их. Другие просили сострадания или сами бросали своих детей в реку, на прибрежных выступах которой трупы образовали барьер. Падающие мертвые тела шлепались о быстрые волны. И эта сатанинская работа длилась не час, и не два, а три дня подряд. Часами продолжались удушение и резня людей. Ручейки крови медленно стекали вниз по скалам и перемешивались с бурными волнами. Три дня... И не произошло затмение солнца; и не прошел ураган ужаса над столами в роскошных садах Стамбула, где немецкие и турецкие союзники пили за здоровье друг друга: за столами завсегдатаев, где в воображениях филистеров из стаканов вырисовывались чарующие восточные картины, их лживые алкогольные мечты не разгонял предсмертный крик убитого ребенка. Неужели ни один немецкий государственный деятель не заподозрил неладное, чтобы бросить в лицо коллегам из Босфора, что они изверги, которых надо заковать в цепи. Совесть у них была спокойна. Посол Вангенгейм 31 мая докладывал в Берлин, «что названные предприятия при политическом и военном положении в Турции, к сожалению, невозможно предотвратить». Чудесное это слово «к сожалению»!

Три дня! Пожитки людей, поглощенных Евфратом, увезли в повозках, оставшихся без владельцев. И только на четвертый день в ущелье Кемах был послан 86-й кавалерийский отряд, чтобы «наказать» кровожадных курдов. Этот «благородный» отряд завершил кровавую работу, вырезав немногих оставшихся в живых. Склоны и скалы были усеяны вздувшимися трупами, которые наполняли воздух невыносимым зловонием. Две медицинские сестры из Ерзика рассказывали об одном жандарме, который хвастался, что каждый день убивал десять-двенадцать мужчин и бросал в реку. Детям, которые не могли бежать, раздроблял черепы. Женщины в каждой деревне по пути заново насилывались. Далее говорилось:

«На следующий день, ранним утром мы услышали шум проходящих обреченных на смерть... Вопль неопишуемый. Это было большое стадо. Многие кричали: «Спасите нас, мы хотим стать мусульманами или немцами, кем хотите, только спасите нас. Сейчас они поведут нас в Кемах и отрубят наши головы...». Когда мы приблизились к городу, увидели, как многие турки скакали верхом и хватали детей и молодых девушек. У входа в город, где находились и дома немецких врачей, стадо на мгновение остановилось, перед тем как пуститься в дорогу, в Кемах. Здесь был настоящий базар рабов, с той лишь разницей, что ничего за них не платили. Матери добровольно отдавали своих детей, и сопротивление не помогло бы».

Когда 21 июня сестры милосердия оставали Ерзика, по дороге они увидели многочисленные страдания депортированных... Они шли молча вперед, малые и взрослые, даже престарелые женщины, которые еле держались на ослах. Шли, чтобы потом, связанные друг с другом, быть сброшенными с высоких скал в волны Евфрата, в той долине проклятия, которая называется Кемах-Бохази. Один греческий кучер рассказал, как это делалось. Сердце леденеет от его рассказа. Наш жандарм поведал, что он сам привел одну из таких колонн из 3000 женщин и детей из Мамахатуна в Кемах: «Her gitdi bitdi, всех уничтожили!»—сказал он. Мы спросили: «Если вы хотели убить их, зачем вы это не сделали в деревнях? Почему сначала довели их до такого невыносимого унижительного состояния?». «Тогда куда должны были девать трупы, они распространяли бы зловоние!»— был ответ».

Давайте на минуту остановимся. Тысяча лет тому назад папач болгарского народа Базилиос II приказал выколоть глаза 15000 людей. У ста пятидесяти оставил один глаз, чтобы они могли возвратить своих полностью беспомощных братьев к бол-

гарскому королю Симеону. Говорят, что в 978 г. русский военачальник Святослав у Адрианополя приказал посадить на кол 40000 людей. Тысячи из бунтовщиков Спартака были распяты на кресте. Тит ужасно бесчинствовал в завоеванном Иерусалиме. Страшно отомстили немецкие графы побежденным крестьянам на кровавом поле у Франкенхаузена. Но это было 2000, 1000, 400 лет тому назад. Это была месть победителя над побежденным, это была расправа во время жестокой войны. Если бы победила другая сторона, пожалуй она поступила бы также. Это были военные времена, когда человек еще «чего-то стоил», хотя стоил столько, чтобы быть убийцей или убитым. Был слуга войны—солдат, подданный, защитник отечества, человек. Но истребление целого народа, с сознательным вырезанием женщин и детей—до такой вершины варварское прошлое пожалуй даже не «созрело». Нужно вспомнить о злодеяниях Пицарро в Перу, убийственной войне белых против красных, о человеческих преследованиях «христианских» англичан в Тасмании, в Новой Зеландии, об их злодеяниях в англо-бурской войне, о смерти от жажды во время гонений немцами гереров, чтобы можно было представить, что случилось в 1915 г. в Кемахе. Продолжаются попытки объяснить это фактором кровожадности, алчности, религиозной ненависти, жадной власти и глупости. Но все же так много непостижимого, что трагедия 1915 г. кажется самой кровавой и жуткой загадкой истории человечества. Для обычного ума она остается задачей нерешенной, и это невыносимо.

ФУРИЯ НЕИСТОВСТВУЕТ

Один американский миссионер из колледжа в Мерсиване (вильет Сивас) сообщает, что в начале июня власти приказали попытать у нескольких армян признание о местонахождении большого количества оружия, якобы хранящегося у них. Такое признание заставили сделать под пытками бастонадой, каленым железом и выкальванием глаз. Эти показания были распространены с целью возбуждения населения. В Мерсиване собрали мужчин всех возрастов и сословий, также больных, которых ставили с постели. Их разули и группами от 30 до 150 человек заставили пуститься в путь, в ссылку. Они по дороге были беспощадно убиты. После этого последовала транспортировка женщин и детей, которым разрешили взять с собой продовольствие толь-

ко на один день. Были высланы также учителя и ученицы армянской национальности, которых по просьбе директора-американца Талаат-паша обещал оставить в городе. Из 12000 армян—жителей города только несколько сотен избежали резни.

Раненый солдат-армянин из Цилеха сообщает, что, вернувшись с фронта в родные места, он увидел, как к ступням сивасского епископа были подбиты лошадиные подковы. Вали обосновал это мучение тем, что «нельзя же было допустить, чтобы епископ шел босиком... Мужчин Цилеха, связанных друг с другом, погнали до центра и убили на глазах у всего города. Женщин заставили принять исламскую веру. Когда они отказались, матерей закололи перед глазами детей.

Учителей американской школы Харпуга перед умерщвлением страшно истязали. Профессорам Тенекеджяну и Буджиганяну в тюрьме вырывали волосы и бороды, чтобы принудить их к признанию, и днем и ночью подвешивали их за руки. Другой профессор сошел с ума, увидев, как у него на глазах до смерти избили нескольких армян. В пытках профессора Люледжяна принимал участие даже вали. Господин оберрегирунгс—президент бил так долго, что устал и сказал: «Кто любит свою религию и свой народ, может бить дальше».

В Диарбекире действовали так же, как и в Трапезунде. С начала в тюрьме убили двадцать шесть знатных армян, среди которых был и священник Арпиар. Десять жандармов изнасиловали и почти до смерти замучили его молодую жену. Потом 674 мужчин погрузили на паром, по пути сбросили их в Евфрат и по приказу жандармов стреляли выплывающих. Пятерых священников раздели догола, обмазали смолой и вели по улицам Диарбекира. Один унтер-офицер хвастался, что он вместе с пятью жандармами расстрелял 700 беспомощных армян в пути между Диарбекиром и Урфой. Начальник окружного управления Лиджея, из-за невыполнения устно переданного приказа вали истребить армян, был отстранен от должности и по дороге в Диарбекир убит.

3000 мужчин из области Сасун были транспортированы в Харпуг и вырезаны за исключением трех.

ПОКАЗАНИЯ ГОСПОЖИ ТЕРЗИБАШЯН ВО ВРЕМЯ ПРОЦЕССА НАД ТЕЙЛЕРЯНОМ

Во время процесса над Тейлеряном наряду с показаниями армянского епископа признания госпожи Терзибашян произвели на

суд такое сильное впечатление, что можно было отказаться от доклада на основе имеющихся материалов.

Мы воспроизводим дословный текст этих показаний из протокола слушания:

Свидетельница: Я была в Эрзруме.

Председатель: Это Ваша родина?

Свид-ца: Да.

Пред-ль: Там имели место депортации?

Свид-ца: В июне 1915 г. собрали всех жителей Эрзрума и сказали, что они должны оставить город.

Пред-ль: Появились объявления в городе, что армяне должны эмигрировать?

Свид-ца: Об этом жандармы и служащие сначала сообщили богатым людям города, а потом нам сказали, что мы должны оставить город, потому что он относится к зоне военных действий и все гражданское население должно быть выведено. Богачи города об этом были осведомлены за восемь дней, а остальные за час до депортации. Позже знали, что это было ложью, депортировали только армян.

Пред-ль: Все население было выслано одним разом?

Свид-ца: В четыре раза.

Пред-ль: В четырех группах?

Свид-ца: Четыре группы в течение восьми дней.

Пред-ль: Узнавали оставшиеся, что случилось с ранее отправленными колоннами?

Свид-ца: Нет.

Пред-ль: Вам была сообщена конкретная цель?

Свид-ца: Мы должны были сначала прибыть в Ерзника.

Пред-ль: С какой группой были высланы Вы?

Свид-ца: Со второй.

Пред-ль: Опишите, сколько людей вас экспортировали, как это случилось, куда вы добрались и что случилось.

Свид-ца: Наша семья состояла из двадцати одного человека. Из них живы остались только трое.

Пред-ль: Сколько людей было в вашей группе?

Свид-ца: 500 семей.

Пред-ль: Как умерли Ваши родственники?

Свид-ца: В нашей семье был двадцать один человек. Мы наняли три воловьих повозки и взяли с собой все, что могли поместить на повозках. Продовольствие и деньги. Мы думали, что прибудем в Ерзника. С нами были отец, мать, три брата, старшему было тридцать лет, три мальчика и еще шестимесячный малыш, замужняя се-

стра со своим мужем, шестеро детей—старшему из них было двадцать два года. Собственными глазами я видела кончину всех, только трое остались живы и спаслись. Клянусь, что они были убиты по указанию из Константинополя.

Пред-ль: Каким образом?

Свид-ца: Когда мы, оставив город, дошли до ворот крепости Эрзрум, пришли жандармы и начали искать оружие. У нас отняли ножи, зонтики и другие вещи. Из Эрзрума мы направились в Байбурт. Когда проходили мимо этого города, мы увидели горы трупов, и я вынуждена была ходить по трупам, так что мои ноги запачкались кровью.

Пред-ль: Это были трупы из прежних групп, шедших из Эрзрума?

Свид-ца: Нет, это были из Байбурта. Потом мы прибыли в Ерзника. Нам обещали дать ночлег, но не дали, не разрешали даже пить. Мы потеряли волов, их угнали в горы.

Пред-ль: Где состоялась резня, когда погибли ваши родственники?

Свид-ца: Мы шли дальше. По дороге из группы выбрали 500 молодых людей. Среди них был и один из моих братьев. Но ему удалось бежать и вернуться ко мне. Я его передела в женскую одежду, так что он мог остаться со мной. Остальных молодых парней согнали в одно место.

Пред-ль: Что случилось с ними?

Свид-ца: Их всех связали друг с другом и сбросили в воду.

Пред-ль: Откуда Вы это знаете?

Свид-ца: Я это видела собственными глазами.

Пред-ль: Что их сбросили в реку?

Свид-ца: Да, они были сброшены в воду, и течение было такое сильное, что всех сброшенных в воду унесло течением.

Пред-ль: Что случилось с остальными?

Свид-ца: Мы кричали и плакали и не знали, что предпринять. Но нам не разрешали даже плакать и ударами штыков подгоняли дальше.

Пред-ль: Кто были они?

Свид-ца: Тридцать жандармов и одно отделение солдат.

Пред-ль: Они вас били?

Свид-ца: Да.

Пред-ль: Что случилось потом с Вашими родственниками?

Свид-ца: Мы со своим скарбом на плечах прибыли в Малатню. Там нас повезли на гору и мужчины отделили от жен-

щин. Мы были в десяти метрах от мужчин и могли видеть собственными глазами, что случилось с ними.

Пред-ль: Что случилось с мужчинами?

Свид-ца: Их убивали топорами и сверху бросали в воду.

Пред-ль: Правда, что женщин и мужчин истребляли таким образом?

Свид-ца: Только мужчин умерщвляли таким способом. Когда стемнело, пришли жандармы и начали выбирать самых красивых женщин и девушек, чтобы взять их в жены. Ко мне тоже подошел жандарм и хотел взять меня в жены. Тех, которые не хотели подчиниться, закалывали штыками или, взявшись за обе ноги, разрывали на две части. Даже беременным женщинам разрезали животы, вынимали детей и выбрасывали.

(Большое оживление в зале. Свидетельница поднимает руку). Я скреплю это клятвой.

Пред-ль: Как Вы спаслись?

Свид-ца: Моему брату тоже отрубили голову. Когда это увидела мама, она упала и на месте умерла. Потом ко мне подошел один турок и хотел взять меня в жены, но так как я не согласилась, он отобрал у меня моего ребенка и выбросил.

Пред-ль: Как Вы выжили?

Свид-ца: Я издали увидела дым и пошла по этому направлению, и тут нашла моего брата и его жену, которая была беременна и должна была вот-вот родить. Они сказали, что мы в тот же вечер должны оставить это место. Так как жена моего брата была беременна, мы были вынуждены оставить ее.

Пред-ль: Потом вы прибыли в Самсек? Сколько было Вас тогда?

Свид-ца: Ровно 600.

Пред-ль: А из вашей семьи?

Свид-ца: Отец, два брата и я.

Пред-ль: Значит Вы сами добрались до Самсека?

Свид-ца: Да. Отец заболел. Вышел приказ не брать с собой больных, а бросить их в воду. Отца забрали из палаты. Потом брат привел его обратно, но он в тот же вечер умер.

Пред-ль: А что случилось с двумя братьями?

Свид-ца: Они остались живы.

Пред-ль: И все это действительно правда? Все это не фантазия?

Свид-ца: То, что я рассказала, намного меньше того, что было в действительности. Было намного хуже.

Пред-ль: И вы остались в Самсеке?

Свид-ца: Я не могла остаться в Самсеке. Мы должны были идти в Сурич. В конце нас погнали на гору и отобрали последнее, что у нас осталось.

Пред-ль: Кого тогда считали ответственным за эти злодеяния?

Свид-ца: Все это случилось по приказу Энвера-паши, но солдаты заставляли депортированных опуститься на колени и кричать: «Да здравствует паша! Потому что паша вам разрешил остаться в живых». (Шум в зале).

ЗЯТЬ ЭНВЕРА-ПАШИ—ОРГАНИЗАТОР МАССОВЫХ УБИЙСТВ

Вали Вана Джевдет-бей был зятем Энвера-паши. В подведомственных ему областях правительственные распоряжения проводились самым тщательным образом. Еще в феврале 1915 г. на одном из собраний турок он сказал: «Мы уже очистили Азербайджан от армян и сирийцев, то же самое мы должны сделать с армянами Вана». Жители Вана отказались сдать турецким бандам убиц и целый месяц оказывали отчаянное сопротивление, за это время было убито *восемнадцать турок*. Но турецкий посол в Берлине сообщил всему миру, что в вилайете Ван армянами было убито *150 000 турок!*

Во время осады Вана Джевдет-бей разгромил более 200 деревень и истребил 26000 жителей. Ван был освобожден случайным продвижением русских.

Венесуэлец Рафаэль Ногалес-у-Мендес, находившийся во время войны в Турции, в своей книге «Четыре года под полумесяцем» описывает свои наблюдения в лагере Джевдета-бея. Он находит, что зять Энвера одет по последней парижской моде, любезен и великодушен, когда нужно быть таким, но является хищным зверем в облике человека. Во дворце Ногалес сидит напротив генерального губернатора. Слева от него сидит Решид-бей, адъютант в своей элегантной униформе.

«Глядя на его изысканное поведение в обществе, нельзя было вообразить, что на его ухоженных пальцах—кровь многих десятков его жертв». Справа от него—Ахмед-бей, который позже по приказу правительства казнил в Чертовом ущелье армянских депутатов Зограба, Варткеса и Тагворяна. Ногалес пишет:

«Самым неприглядным зрелищем, которое я видел, было шествие отделения жандармов, конвоировавшего

почтенного старца. По его черной тунике и малиново-му берету можно было узнать, что это несторианский епископ. Из раны на его лбу сочились капли крови и, скатываясь по его бледным щекам, казалось, превращались в кровавые слезы мученика. Проходя мимо нас, он остановил на мне свой взгляд, как будто почувствовал, что я тоже христианин; потом он пошел дальше, в направлении холма, где остановился со скрещенными на груди руками посреди своей паствы, опередившей его на пути к смерти, и упал, пронзенный кинжалами своих убийц».

В одном сообщении сказано: «В Гастеване и Салмазе только из колодцев вытащили 850 обезглавленных трупов. Почему? Командующий турецкими войсками назначил цену за голову каждого христианина. Колодцы переполнены христианской кровью. Только из Гастевана были отправлены курдам в Саучбулак 500 женщин и девушек... Женщины, видя как средь бела дня бандиты насилуют их сестер, сотнями бросались в глубокую реку». Некий учитель из Вана пишет:

«В середине апреля турки превратили мой дом и всю нашу улицу в пепелище; в нашем доме находились 250 женщин и детей из окрестных деревень и 50 из самого Вана; все они сгорели вместе с домом. В полностью опустошенных деревнях не было ни одного живого существа, кроме собак, пожирающих трупы».

ЗЯТЬ ТАЛААТА—ТОЖЕ ОРГАНИЗАТОР МАССОВЫХ УБИЙСТВ

Мустафа Халил, шурин Талаата, был командующим в Битлисе. Во время резни в июне 1915 г. были убиты мужчины, 900 женщин и детей были уведены в направлении Диарбекира и брошены в Тигр.

Город Муш был взят с помощью пушек. Армяне спасались бегством из квартала в квартал. Под конец турки загнали мужчин в тупик, так что они могли видеть, как насиловали их жен. Многие из мужчин убивали своих жен. Одна большая семья умерла, приняв яд.

Неподалеку от Анкары убили 500 человек, перед этим многим из них отрезали носы, уши и выкололи глаза.

Жалкие остатки народа, пережившие этот ад, бежали в Се-

верную Сирию, Сирию и Палестину. Часть трудоспособных мужчин нашла себе работу на большом строительстве Багдадской железной дороги, где в то время лихорадочно трудились над окончанием туннеля через Тавр. Люди часто работали на местах, бывших несколько недель тому назад ареной ужасающих побоищ. Когда я в феврале 1916 г. проезжал по этим местам, один армянин показал мне недалеко от Османии поле, на котором незадолго до этого были захоронены около 1000 мужчин, женщин и детей. После появления в Турции немецких солдат и специалистов подобные зверства стали уже неосуществимы. Кажется, после того, как произошло самое худшее, хоть капля стыда и благоразумия может помешать многому. Но надо ли говорить о том, что, когда за турецкими надсмотрщиками не наблюдали, они варварски обращались с рабочими. Десятки тысяч из тех сотен тысяч, которых прогнали по этим горам, стали жертвами разразившихся эпидемий, в особенности—сыпного тифа. Ф. Р. Норд потрясает своим сообщением об ужасном зрелище смерти в одном из парков в Алеппо. Недалеко от Ислахия я видел толпы женщин и детей, которые, как рои мух, облепили наш поезд. Это были скелеты, прикрытые тряпками. Животное одиночье, безумие полыхало в их глазах.

Вплоть до Иерусалима на юге и Мосула на востоке проливалась кровь замученных армян. Я знаю, что в Дамаске по утрам в переулках подбирали трупы умерших от голода детей, иногда до 50 трупов. У Мескенэ на Евфрате (восточнее Алеппо) был большой концентрационный лагерь, где армян предоставили голодной смерти. Согласно турецким данным, там было захоронено 55 000 людей. От 60 000 армян, которых отправили в пустыню Дер-эль-Зор, почти никого не осталось в живых. Жертв уводили группами по несколько сотен человек и убивали их. В Бабе за два с половиной дня умерли от голода 1029 армян.

СТАРЫЙ МАРШАЛ

Газета „Deutsche allgemeine Zeitung“ от 28 апреля 1927 г. публикует письмо генерал-фельдмаршала фон дер Гольца, отправленное из Алеппо 22. 11. 1915 г. Маршал пишет:

«... На следующее утро проехали главный туннель и въехали в Северо-Сирийскую низменность. Здесь на-

шему взору представилось жалкое зрелище—бежавшие армяне, поселившиеся у южного подножия Тавра, пребывали в безграничном убожестве, так как такой огромной массе людей нельзя было помочь чем-нибудь существенным. Ужасающая трагедия целого народа. Тысячи и тысячи беззащитных людей шли навстречу неизвестной цели, без продовольствия, без снабжения. Многие умирали в пути, и их трупы лежали по обочинам дорог. Сочувствуешь им от всей души, но не можешь ничем помочь. Сколько горя принесла эта роковая война и сколько еще принесет».

Маршал фон дер Гольц, «отец турецкой армии», прослуживший до преклонного возраста на благо полумесяцу, по-видимому, и сам стал жертвой бесчеловечности своих «верных» учеников. Я видел этого старого дряхлого человека летом 1915 г. в Константинополе в траурной процессии на похоронах немецкого посла фон Вангенгейма. Энвер и какой-то генерал своими сильными руками поддерживали явно страдающего маршала. Трогательная картина немецко-турецкого военного союза!

Фон дер Гольц внезапно умер в 1917 году у Кут-эль-Амары. В своей книге Ногалес-у-Мендес утверждает, что этого беззащитного человека самым бессовестным образом погубил Халилпаша.

Ногалес пишет:

«Когда потом у Кут-эль-Амары я оглядел лагерь, то заметил, что несмотря на то, что обер-лейтенант* Х. при нашем отъезде из Багдада предупредил многих офицеров турецкого генерального штаба, чтобы маршал был всем обеспечен, последние поместили его в такой маленькой и грязной палатке, куда можно было войти лишь согнувшись. Сами они расположились со всеми удобствами в роскошных водонепроницаемых парусиновых палатках, которые вместе с другими первоклассными принадлежностями достались им из лагеря, оставленного англичанами после битвы у Ктесифона. Я встретил маршала, лежавшего на жалкой походной койке в этой убогой палатке. Увидев его, я тотчас же понял, что он страдает от голода. Разумеется, я сейчас же кликнул какого-то парня и приказал принести Его Превосходительству хлеба и коробку сардин, которые случайно оказались у меня в седельной сумке.

* Подполковник.

Я уселся на жалкую походную койку и разделил с ним скромный ужин...».

Спустя несколько дней маршал был мертв. Венецианец подтверждает то, о чем подозревало большинство немцев в Турции. *Наши «союзники»!*

ПОЛОЖИМ ЭТОМУ КОНЕЦ!

Мы заглянули в пылающие глаза человекоподобного зверя. Даже если кто-нибудь из нас терзается мыслями о бесполезности всякой борьбы и поддается сомнениям,—мы не имеем права отчаиваться. Нет, мы не имеем права! Мы не имеем права сомневаться в хорошем, которое должно быть, которое мы должны найти и утвердить, чтобы завтра дьявол в новом воплощении не явился перед нами, над нами в своей триумфальной пляске. Но мы должны знать, что мы еще стоим у самого начала всей этой нелегкой работы. Тут филологи несут околесицу о Гекубе и Ниобе; там мрачный Грюневальд изображает на холсте Изенгеймского алтаря мучения распятого Христа. Перед лицом происходившего в Турции ужаса затаивает дыхание. Найдет ли самая великая драма истории своего воплотителя, художника, поэта, который сможет приковать взгляд человечества будущего к этому времени, к безумию, адскому шабашу, который самодовольные трусы и тупицы называют мировым порядком? Мир, который не постеснялся такого порядка, должен завязнуть в тряпине своего лицемерия. В этом мире лишают чести, заживо сдирают кожу, лишают жизни ребенка в материнском чреве, убивают старца девяноста лет, когда каждый вновь открытый детский дом и приют для престарелых провозглашается прогрессом культуры. Человек шаг за шагом лишил стихию ее всемогущей силы. Телефон, радио, авиация преодолели границы стран, телескоп позволил проникнуть в просторы вселенной, микроскоп открыл пораженному взгляду человека мир мельчайших частиц. Люди декламировали, кричали, молились, плакали, проникались духом интернационализма, борясь за права народов и за человечность. С 1900 г. здесь витал дух назаретянина, социалистическая идея освобождения впервые за многие столетия за заржавевшими вчерашними дверными петлями заявила о себе. Казалось, грязный панцирь прошлого дал трещину, и человек про-

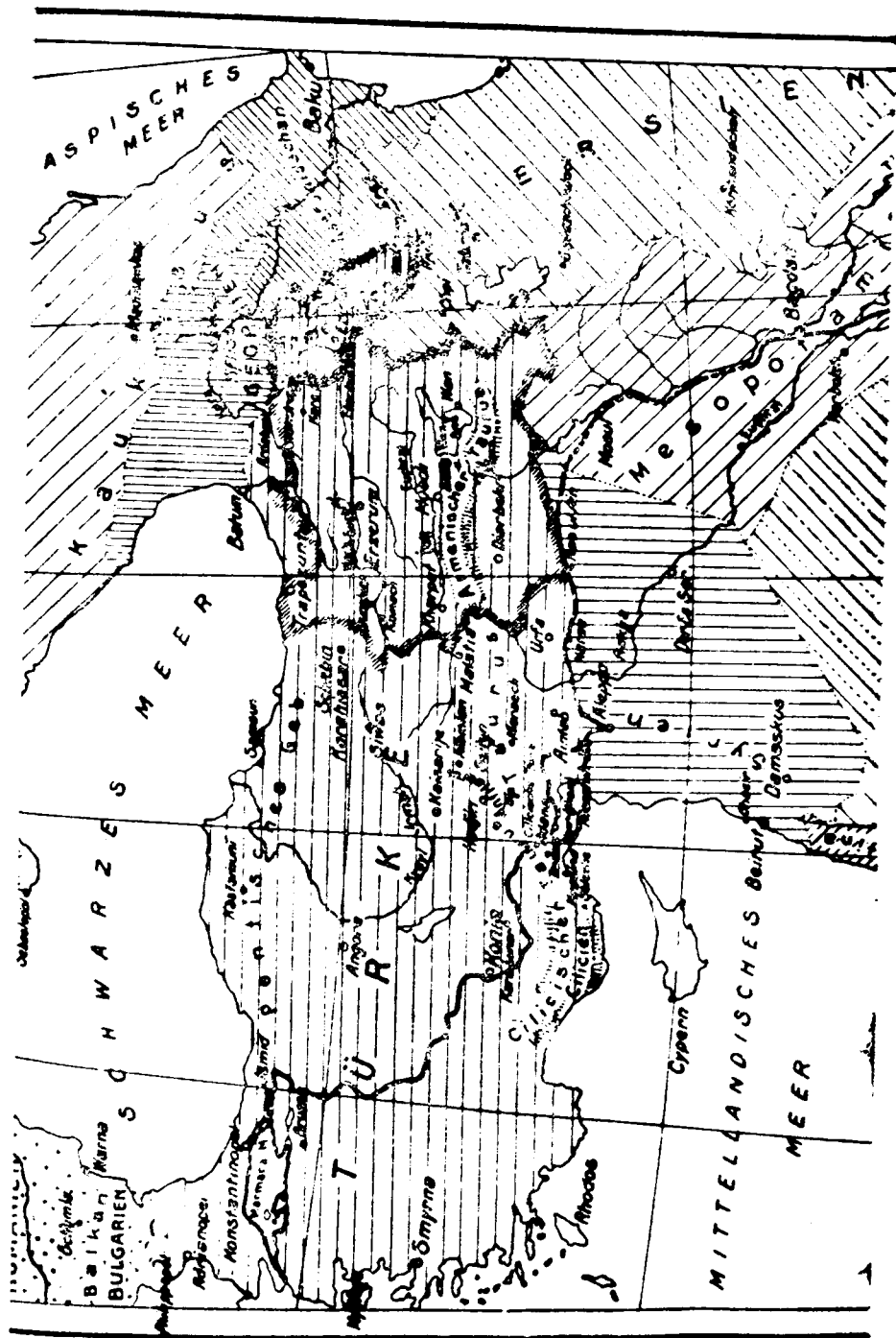
будился к человечности в победном чувстве грядущего, всеобщего счастья, насмехаясь над решетками, которыми, подобно сумасшедшим домам, отгораживались страны.

И все же вновь пришло такое время, когда мороз ненависти ударил по молодым побегам питавшей нас надежды. Отцы хоронили своих сыновей, слабые—сильных. Сад превратился в могилу, цветущее дерево—в могильный крест, доброта—в ненависть, человек—во врага, ненавидящего людей. И когда Европу, давшую миру Шекспира, Вольтера, Гете, ослепил кровавый туман войны, где-то далеко в горной стране погиб целый народ. Об этом забыли.

Человечество забывает свой позор. Великое трусливое забвение—защитный вал, за которым убийцы засевают свое поле драконовыми зубами. Мы не должны примкнуть к забвению. Каждый должен заглянуть в себя, прислушаться к звукам своей души, нет ли среди них таких, которые завтра вновь могут превратиться в фанфары войны, и за которыми послезавтра последуют траурные песни. *Быть противником войны или поборником смерти*—это самый важный вопрос для всех нас!

ДОЛЯ ВИНЫ КАЙЗЕРОВСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Большинство немцев, знающих об армянской трагедии, беспощадно осуждают и сваливают всю ответственность на турецких преступников. Как только кто-нибудь делает попытку определить долю вины кайзеровского правительства в преступлении, совершенном на Кавказе, благонравные немцы впадают в ту же ошибку, которую они обычно совершают в вопросе о совиновности в войне. Все изо всех сил противятся признанию грехов старой системы, как будто позор вчерашних деятелей может быть стыдом для сегодняшних, движимых желанием создания более человеческой политики. Прискорбная слабость немцев в том, что они не учатся на ужасных заблуждениях прошлого; что они стыдятся настоящего, вместо того, чтобы перед всем миром заклеить прежнюю систему, толкнувшую наш народ в крайнее убожество. Одно из удивительнейших явлений истории в том, что этот народ, преуспевающий во всех областях духовной жизни, очень часто проявляет признаки варварской отсталости в области политики. Едва ли какой-нибудь народ на земле дал челове-

АРМЕНИЯ

Пусть читатель посмотрит на эту карту: она показывает, как «Пять великих держав» обманули надежды армянского народа.

После мирного договора в Севре армяне должны были получить суверенное государство, родину, в которую были включены города Ереван, Александрополь, Карс, Эрзерум, Ван, Битлис, Муш, Диарбекир, а также портовый город Трапезунд, тем самым иметь выход к Черному морю.

Но это не было осуществлено. Вместо обширного автономного государства политические деятели Антанты обещали армянам «место проживания» в Верхней Армении или в Киликии. Но конференция в Лозанне (1923) отказалась от решения судьбы многострадального армянского народа и оставила его «На благосклонность Турции».

И сегодня еще по всему миру скитаются 700 000 ограбленных и потерявших родных и близких людей, не считая более 100 000 армянских сирот.

Обведенная жирной линией область была торжественно обещана армянам в Севре, фактически же им достался уголок вокруг Еревана в северо-восточной части Армении. Так армянский народ был предан и оставлен в одиночестве.

честву такую богатую галерею благороднейших философов-мыслителей; Гете и Гельдерлин достигли вершины поэтической красоты, и из глубины героической души Бетховена раздавалась музыка, наполняющая мир своим чарующим звучанием и величием. Когда же придет день, когда этот великий народ, находящийся в сердце Европы, станет достойным духа своих настоящих героев, отвернувшись от идеалов Трейтчке и фетишизации своего государства и мундира? Только непоколебимая правда поведет его по этому пути.

Нужно крикнуть как можно громче:

Наряду со всеми глупостями и преступлениями, совершенными Вильгельмом II, дипломатией и военным руководством, наряду с огромной виной, которую взвалили на себя немецкие Геростраты, немецкое военное правительство разделяет ответственность и за подлое преступление 1915 года.

Летом 1915 г. по всему миру прокатилась волна возмущения за позорное преступление на Кавказе. Человечество с ужасом осознало, что не может быть нечто еще более страшное, чем кровавая бойня на фронтах. Живущие в нейтральных странах армяне с отчаянием взывали к общественному мнению о помощи своему умирающему народу, и люди доброй воли сочувствовали и ужасались. В то время в Америке для Германии очень многое было поставлено на карту. Через своего посла в Константинополе Моргентау и благодаря консульским донесениям правительство Вильсона было информировано о всех подробностях жестокой драмы, и пресса Антанты не упустила возможности раздуть в США кампанию негодования против Германии.

Было ли немецкое правительство согласно со злодеянием своих союзников? Совершенно определенно—нет!

Следует также подчеркнуть, что немцы, пользуясь в Турции влиянием и авторитетом, пытались, где только могли, защитить и помочь армянам. Здесь следует назвать консулов Рёслера—в Алеппо и Лойтведа—в Дамаске. Генерал Лиман фон Сандерс грозился в Дамаске отдать под расстрел турецких жандармов, если они не оставят в покое армян, находящихся под угрозой; этим он спас много человеческих жизней. Угрожая Энверу-паше своей отставкой, маршал фон дер Гольц добился существенного облегчения положения армян в подведомственной ему Месопотамской области. Установлено также, что преемник посла Вангенгейма граф Меттерних постоянно выражал свой протест турецкому правительству.

Но что же делал Берлин? Поддержало ли немецкое правительство, определенно осведомленное о том, что речь идет об уничтожении целого народа, предложение американского посла

Моргентау переселить армян в Америку? Было ли оно достаточно настойчивым в этом вопросе при Высокой Порте? Эти вопросы остаются открытыми до сегодняшнего дня.

Не подлежит сомнению, что немецкое правительство, невзирая на явную наглость Талаата и Энвера, никогда даже не обсуждало возможность отказа от союза со стамбульскими убийцами. Правительство связалось с обществом преступников, имевшим в руках все козыри, и поддалось их более сильной воле. Погоня за призраком победы подчинила себе все, в том числе и всякие моральные соображения.

В мае 1915 г. Энвер заявил барону фон Вангенгейму о необходимости «переселения не совсем безупречных армянских семей из мятежных армянских центров в Месопотамию», и 31 мая Вангенгейм телеграфирует в Берлин:

«Энвер настоятельно просит, чтобы мы не препятствовали ему в этих мероприятиях. Конечно, они таят в себе большую жестокость для армянского населения. Однако я придерживаюсь мнения, что мы можем смягчить форму, но не должны мешать по существу».

17 июня Вангенгейм сообщает министерству иностранных дел:

«Талаат... совершенно открыто заявил о том, что Порта намерена использовать мировую войну для очистки страны от своих внутренних врагов (местных христиан) и надеется на дипломатическое невмешательство зарубежных стран».

Далее, 7 июля 1915 г.:

«Способы переселения показывают, что правительство в действительности преследует цель уничтожения армянской расы в турецкой империи».

После того как Лепсиус установил в Константинополе реальные масштабы преступления, он посетил на Вильгельмштрассе помощника государственного секретаря Циммермана и потребовал от него оказать на турок сильнейший нажим с тем, чтобы защитить хотя бы тех, кто остался в живых. Циммерман ответил:

«Что мы можем сделать? Наш союз с турками— это в первую очередь союз с Талаатом, Энвером и Халилом. Если эти трое не прислушиваются к нашему мнению, нам остается только разорвать союз. А этого мы не можем».

31 августа 1915 г. Талаат заявил немецкому послу:

„La question arménienne n'existe plus—армянского вопроса больше не существует“.

Как видите, немецкое правительство знало точно, что творилось в Армении. Талаат мог похвастаться: «Для решения армянского вопроса я за один день сделал больше, чем Абдул-Гамид за 30 лет!».

А немецкий народ? Никогда ни один народ не был обманут более предательски. Даже в рейхстаге не узнали правды. Предназначенный депутатам объяснительный материал, посланный Лепсиусом, не попал в руки адресатов. Немецко-турецкие общества отмечали веселые праздники дружбы. Турецких сановников у нас принимали торжественно, и никто не плюнул им в лицо. В погоне за сияющим мыльным пузырьем конечной победы не замечали разгорающегося вокруг пламени возмущения, а привитая нам мистическая вера в начальство исключала даже самую мысль о том, что важнейшим средством кайзеровского искусства правления является ложь.

Сообщения, доходившие из-за границы до немецких журналов, запрещалось печатать. Газеты, публиковавшие правдивую информацию, были запрещены. И все же кое-что просачивалось. Чтобы помешать немецкой публике узнать правду, официальная пресса поддерживала распространение турецких опровержений, в которых турки лгали так искусно, что втопали в краску даже руководителей немецкой военной прессы.

На всем протяжении войны общественное мнение Германии фабриковалось близким другом Людендорфа—полковником Николом. Об этом дают исчерпывающие разъяснения 2 книги: Г. фон Герлаха «Великое время лжи» („Die größte Zeit der Lüge“ (и доктора Курта Мюзамма „Как нас обманули“ („Wie wir belogen wurden“).

На пресс-конференции, состоявшейся 7 октября 1915 г., журналистам были даны конкретные указания.

Про армянские ужасы необходимо говорить следующее:

«Внутренние административные мероприятия в Турции не должны повредить нашим дружественным с нею отношениям, более того, в эти трудные времена они не подлежат обсуждению и тем более контролю».

Поэтому первейший долг—молчание. Позднее, если последуют нападки со стороны других стран относительно немецкого соучастия, надо будет с большой осмотрительностью и осторожностью осветить вопрос и затем отговориться тем, что своими действиями армяне сильно задевали турок».

На пресс-конференции от 23.12.1915 г. говорилось:

«Не рекомендуется неумеренно восхвалять турок за их успехи в Галлиполе, так как возникает опасность,

что ответственные турецкие государственные деятели переоценят сами себя и турецкое военное руководство, не учтут того, чем они обязаны нам...

Армянский вопрос лучше всего обходить молча-нием. В этом вопросе поведение турецких властей не заслуживает особой похвалы!

Мы видим, что правительство сознательно лгало. Преступники, обманувшие немецкий народ, еще долгие годы рука об руку с босфорскими палачами стремились к «окончательной победе». Это позорное пятно пристало к ним на вечные времена.

«ОБМАНУТЫЙ НАРОД»

Мирные договоры Версаля, Сен-Жермена и Севра дали самостоятельность многим до этого угнетенным народам. Польша, Чехословакия, пограничные государства были освобождены, Аравия и Сирия отделились от Турции. Даже евреи получили свои исконные земли.

Армяне были обмануты. Германия не сделала ничего, чтобы помешать турецким убийцам, Антанта отказалась от всех обещаний, данных ею выжившему народу. С полным правом Фриц Хаген озаглавил свою прекрасную книгу, посвященную армянам, «Обманутый народ».

По Севрскому мирному договору армянам обещали на Кавказе область для проживания, которая должна была находиться под защитой Лиги наций. В предложенном президентом Вильсоном решении третейского суда границы Армянской республики распространялись таким образом, чтобы народ смог собрать там свои остатки и начать новую мирную жизнь совместно с основанной с 1918 г. маленькой Армянской республикой в составе России*.

Новый диктатор Кемаль-паша был достойным последователем Талаата и Энвера. Как только он узнал, что область резни 1915 года должны отдать остаткам замученного народа, он ввел свои войска на эту территорию. То же самое сделала Советская

* Автор, видимо, путает независимую Республику Армении с Армянской ССР, образованной 29.XI.1920 г.—Прим. ред.

Россия. Народ остался без родины, незащищенный от преследований, как и во время мировой войны.

Хитрый Кемаль-паша смог навязать свою волю Антанте, воспользовавшись взаимной ревностью великих держав. Он козырял нефтяными залежами в Мосуле. *И ради нефти армян обманули в их ожиданиях и надеждах на будущее.*

Кемаль был так силен, что даже в 1922 г. жестоким образом вышвырнул из страны греческое население в 1,5 млн. человек, расторг Севрский мирный договор и в 1923 г. добился в Лозанне такого мирного договора, который оправдывал совершенные им варварства.

Нефть — совершенно особая сила!

Что же сделала Лига наций? Трижды она принимала единогласное решение, что «Высший Совет обязан гарантировать будущее Армении и прежде всего предоставить армянам национальную родину». В Лозанне все это было уже забыто. Лорд Керзон назвал судьбу армян «одним из самых больших скандалов мира». Туркам это было безразлично. Они не шли ни на какие уступки. В Лозаннском договоре нет ни одного слова об армянских землях. Один из представителей Антанты заметил по этому поводу: «Было выдвинуто предложение *оставить решение на благосклонность Турции*». Для армян это означает утрату всех надежд. Если Лига наций когда-либо терпела полное фиаско, то, несомненно, в этом вопросе. Потерпела неудачу даже попытка предоставить маленькой армянской республике, находящейся на территории России, заем, который дал бы возможность создания поселений и рабочих мест.

Когда в 1924 г. английским премьер-министром был Макдональд, лидеры оппозиции *Асквит* и *Болдуен* написали ему проникновенное письмо об обязательствах Великобритании помогать армянам. Макдональда сместили, потом в течение 4 лет у власти был Болдуен. Что он сделал для армян? *Ничего!*

Турки в 1915 г. не только убивали армян, но и обкрадывали их. Только наличными было награблено много сотен миллионов золотых марок. В 1916 г. турки послали в Берлин из награбленных денег 100 миллионов золотых марок в качестве депозитива своей валюты. Этот вклад после перемирия был конфиско-

ван Антантой. Почему же его не возвращают ограбленному народу?

Лига наций предложила благородному Нансену совершить ознакомительную поездку в Армению. Нансен едет с большой неохотой, так как едет с пустыми руками, имея возможность оказать лишь частную помощь. Он исследует условия жизни в маленькой русско-армянской республике, исследует возможности, с помощью которых бедная страна сможет принять многих беженцев, скитающихся по свету. Нансен предлагает предоставить заем от имени Лиги наций.

Что же делает международный союз? Штреземан хвалит Нансена за его усердие. Чемберлен (министр иностранных дел в кабинете Болдуена) почти до слез тронут тяжелой участью армян, но... он не имеет инструкций и не хотел бы подавать необоснованные надежды...

Воодушевленное воззвание, направленное поэтом Армином Т. Вегнером Вильсону в январе 1919 г., также уже давно забыто.

Таковы они, эти господа, называющие свой клуб Лигой наций. Если в больших вопросах (разоружение) достигают таких выдающихся результатов, для решения маленьких проблем не остается времени. И жизнь или смерть какого-то маленького народа—пустяк, если к тому же учесть, что этот народ имел глупость не обладать золотыми приисками и залежами нефти.

В своей книге «Обманутый народ» Нансен пишет:

«Вы политики, Вы государственные мужи, оставьте в покое громкие слова, не отнимайте у людей последней надежды, ведь надежда, несмотря на все, в истории этого народа—нечто святое!»

ПРИЛОЖЕНИЕ

СМЕРТНЫЕ ПРИКАЗЫ ТАЛААТА В ПРЕФЕКТУРУ АЛЕППО

3 сентября 1915 г.

Мы Вам рекомендуем недавно предписанные приказы для известных лиц применить также к женщинам и детям. Для выполнения этой задачи подыщите надежных помощников.

*Министр внутренних дел
Талаат*

15 сентября 1915 г.

Вам уже сообщалось о том, что по указанию Джемнета (комитета) было решено полностью уничтожить проживающих в Турции армян. Те, кто выступит против этого решения, не могут оставаться на официальных постах. Как бы жестоки ни были принятые меры, должен быть положен конец существованию армян. Не обращайтесь никакого внимания ни на женщин, ни на детей и больных, ни на угрозы совести.

*Министр внутренних дел
Талаат*

23 ноября 1915 г.

Тайными средствами уничтожьте всех армян восточных провинций, кого найдете в Вашей области.

*Министр внутренних дел
Талаат*

1 декабря 1915 г.

Несмотря на то, что армянские духовные лица должны быть истреблены с особенным старанием, до нашего сведения дошло, что некоторые из них отправлены в такие сомнительные пункты,

как Сирия и Иерусалим. Подобное разрешение является непро-
стительным упущением. Место высылки этих мятежных людей—
уничтожение. Я рекомендую Вам действовать в соответствии с
этим.

*Министр внутренних дел
Талаат*

11 декабря 1915 г.

Нам стало известно, что некоторые корреспонденты армян-
ских газет, которые остановились в Вашей области, приобрели
фотографии и бумаги, отражающие трагические события и пере-
дали их американскому консулу Вашей области. Арестуйте и лик-
видируйте этих опасных людей.

*Министр внутренних дел
Талаат*

12 декабря 1915 г.

Подбирайте и растите только тех сирот, которые не могут
помнить о бедствии, постигшем их родителей. Остальных вклю-
чайте в караван депортированных.

*Министр внутренних дел
Талаат*

15 января 1916 г.

Нам стало известно, что в определенных местах, где от-
крыты сиротские дома, принимаются также дети известных лиц.
Так как правительство считает их существование опасным, то
кормление и продлевание жизни этих детей означает сочувствие
им, т. е. действие против воли правительства. Это значит не по-
нимать настоящей цели и не обращать на это внимания. Я при-
казываю Вам не допускать этих детей в сиротские дома и не
основывать особых сиротских домов для них.

*Министр внутренних дел
Талаат*

7 марта 1916 г.

По приказу военного министра собранных и замученных
командованием этапа детей известных лиц, под предлогом за-
боты о них со стороны руководства депортации, не возбуждая
подозрения, схватить и вырезать. Ждем сообщения.

*Министр внутренних дел
Талаат*

АРМЯНСКАЯ РЕЗНЯ В ЗЕРКАЛЕ НЕМЕЦКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ ЗА МИР (1895—1933 гг.) Послесловие к третьему изданию «Армения, 1915».

ГЕЛЬМУТ ДОНАТ

В настоящей публикации, которая впервые вышла в свет в
1930 г. в республиканском пацифистском «Фолькеррайтер-фер-
лаг», изложено «самое большое организованное убийство» (П.
Рорбах), до сих пор известное в мировой истории. Подлинные
и объективные описания Генриха Фирбюхера впервые нашли
признание в Веймарском движении за мир¹. Газета католическо-
го крыла организованного пацифизма, „Rhein—Meinische Volkszei-
tung“ посвятила этой работе передовую статью². Видный спе-
циалист по международному праву Ганс Веберг напечатал в
научном журнале движения за мир «Friedens-Warte» главу из
этой книги «Чертово ущелье»³. Чтение некоторых частей из книги
«Армения, 1915» на собрании членов северогерманской воинской
части Немецкого общества за мир (НОМ) «вызвало глубочай-
шее сочувствие к армянскому народу в связи с геноцидом армян
со стороны наших бывших любимых союзников—турок»⁴.

Память о систематическом истреблении армян поблекла. Нам
сейчас более близки вторая мировая война, массовые уничтоже-
ния евреев, бесчисленные военные полемики после 1945 г., а
также дошедшие до наших дней бомбы гольфовой войны. Но
все же следы, оставшиеся после армянских ужасов, не трудно
найти. Вездесущим является отрицание геноцида турецким пра-
вительством, которое издавна жертв считало виновниками⁵. Тер-
рористические действия так называемой «Армянской революцион-
ной армии» ничего не меняют. Наоборот, их «командные пред-
приятия» оказывают весьма плохую услугу попыткам признать
правду. Они работают на руку той искусственно выработанной
пропаганде, которой давно и почти полностью окутан турецкий

народ и которая несет плоды в совершенствованной форме в западных демократиях⁶.

Генрих Фирбюхер, без всяких оговорок, был противником насилия и террора. После первой мировой войны он был секретарем, оратором и профсоюзным деятелем «Центрального союза служащих» в Берлине. Весной 1922 г. он переехал в Рурскую область. В Эссене впервые вошел в контакт с НОМ (немецким обществом за мир), которое он считал ученым, благородным клубом⁷. После речи графа Гарри Кесслера перед деятелями свободных профсоюзов Эссена в январе 1923 г. Фирбюхер решил активно действовать в движении за мир.

В «Рурской борьбе» („Ruhrkampf“, 1923) он относится к тому меньшинству работников профсоюза, которые, как пацифисты Рейнско-Вестфальской индустриальной области, отклоняли «пассивное сопротивление», понимали его как отказ от политики выполнения Версальского договора и немецко-французского соглашения.

Они предсказывали социальные и политические последствия инсценированного промышленными кругами «Рурского приключения», неслыханную денежную девальвацию, укрепление реваншистского духа и милитаристско-националистического блока, и с самого начала требовали отставки правительства Гуно⁸.

Из-за политических разногласий Фирбюхер отказался от своей должности в профсоюзе. Весной 1924 г. после знакомства с Фритцем Кюстером, он примкнул к западнонемецкому направлению НОМ, за цели которого он развернул неутомимую деятельность на собраниях⁹. За несколько лет он стал одним из известнейших и значительных ораторов немецкого послевоенного пацифизма. Часто достаточно было объявления его имени, чтобы тысячи участвовали в его митингах. Его сила убеждения привела к тому, что НОМ впервые завоевало твердое место в Рейнско-Вестфальской индустриальной области и, созданный Кюстером «Западнонемецкий союз земли» НОМ стал первостепенным фактором Веймарского движения за мир.

Наряду с многочисленными выступлениями на митингах в разных частях Германии, Фирбюхер являлся сотрудником газет „Anderes Deutschland“ («Другая Германия»), „Menschheit“, („Человечество“), „Friedens Warte“ («Страж мира»), и „Welt am Montag“ («Мир в понедельник») ¹⁰. «Врожденному оратору» (Ф. Кюстер) удалось в разных местах организовать группы НОМ, привлечь многих к движению за мир и поднять ослабевающую активность разочарованных членов НОМ. Дарованная богами сила влияния Фирбюхера подчеркивалась его атлетичной внешне-

стью, за которой скрывался тонкий, чувствительный характер¹¹. На митингах, которые часто срывались националистическими группами, он реалистично оценивал настроение широких слоев немецкого народа. Он также неуступчиво выступал против опасностей, исходящих от шовинистической газеты „Deutschland der Anderen“ («Германия других»), которая угрожала сохранению мира во всем мире и Веймарской республике. Он требовал создать республиканский пацифистский фронт обороны против «Свастики и стального шлема»¹². При этом он не умолчал о тех уступках, которые делали рабочие партии военной политике. Из-за критики в адрес военной политики СПГ, председатель имперского флага Фридрих Отто Херзинг запретил Фирбюхеру продолжать свою деятельность оратора в «Железном фронте» (1928).

Помимо поездок с выступлениями от немецкого общества за мир, он в 1930—31 гг. был также оратором новооснованной «Радикал-демократической партии». В 1931—1932 гг. он стал главным редактором антифашистского еженедельника «Alarm» («Тревога»), которая являлась «Полемической газетой против врагов республики»¹³. Фирбюхер пытался избежать преследования со стороны НС—режима путем эмиграции. В начале марта 1933 г. он встретился с В. Хаммером в трактире «Маленький медвежий камень», который находился недалеко от Пирнаса¹⁴. Хозяин квартиры был ему хорошо знаком. Сначала они хотели скрыть важные документы в пещерах скал прямо около трактира, чтобы потом, осмотревшись, перевести их в надежное место за границу, в Прагу. Но уже по прибытии на станцию деревни Штруппен начальник станции обратил внимание на загруженных чемоданами незнакомцев. Он сообщил о них в СА (нацистский штурмовой отряд). Через три дня в трактир «Маленький медвежий камень» ворвались тридцать-сорок людей из штурмового отряда, перерыли весь дом и арестовали Фирбюхера и Хаммера. Их привели в усадьбу, в Штруппен, где они вместе с другими арестованными были загнаны в узкое помещение. Позже их доставили в казарму СА в Пирну. После следственной тюрьмы полицейского президиума в Дрездене они прибыли в так называемый „Mathilden Schloßchen“, в старую, уже недействующую тюрьму, где Хаммер и Фирбюхер были помещены в одной камере. После прошения его жены на имя президента Германии Гинденбурга в апреле 1933 г. Фирбюхер был освобожден и уехал в Берлин¹⁵.

С апреля 1921 г. он был женат на сестре пацифиста Отто Лелкана-Рюсбольдта и у них родилась дочь. Чтобы содержать семью, он в 1933 г. основал посылочную торговлю антикварными книгами. Но нацисты не оставили его в покое. Домашние обыски

до 1936 г. по четыре раза в неделю были не редкостью. Он должен был один раз в неделю являться в полицию. Его дом на Брюкеналлее три года был под наблюдением. Специально назначенный нацистами старший дворник докладывал о малейшем сомнительном происшествии. Несмотря на все меры, демаскировать иллегальную деятельность Фирбюхера не удавалось. Вопреки запрету писать и выступать, который был наложен на него с 1933 г., он с 1934 г. до конца 1938 г. регулярно писал статьи для польской ежедневной газеты. Естественно, это было не безопасно.

Возобновление преследования Фирбюхера имело «повседневные» причины. Во время посылки пяти романов унтер-офицеру Вильгельму-Брюшеру в Нойштадт в сентябре 1938 г. он для упаковки книг использовал еврейские газеты. Реакционная газета «Der Stürmer («Бунтарь») Юлиуса Штрайхера ухватилась за этот инцидент. В третьем январском номере 1939 г. на красной титульной обложке стояло: «Книга-почтой» Фирбюхера агитирует израильский еженедельник», и в одной статье магазин был дискриминирован как место распространения израильской газеты. Фирбюхеру, который «Хрустальную ночь» 1938 г. против своих еврейских сограждан не смог преодолеть, было ясно, что ему угрожали дальнейшие преследования. В ночь с 11 на 12 февраля 1939 г. его посетил незнакомец, который явно действовал по поручению гестапо. О беседе ничего не известно. Особенно теплой она, пожалуй, не была. Во всяком случае, она сильно взволновала Фирбюхера. Сразу после визита он упал в обморок. На следующее утро до тех пор совершенно здоровый человек умер в берлинской больнице имени Роберта Коха из-за кровоизлияния в мозг.

Генрих Фирбюхер родился в семье социал-демократов. После окончания народной школы, он еще ребенком интересовался политическими вопросами и хотел стать журналистом. Но как старший сын¹⁶ он уступил стремлению отца, выбрал его профессию, став литейщиком. Однако работа в одном из берлинских металлургических фирм не удовлетворяла его. Его также мало привлекала перспектива стать, как его отец, мастером. Всесторонне одаренный, он выучил много языков—английский, французский, арабский и турецкий.

В августе 1914 г. был призван на военную службу и проходил рекрутскую подготовку.

В 1915 г. стал переводчиком маршала Лимана фон Сандерса в Константинополе. Работа переводчика забрасывала его в различные районы Турции. Он стал очевидцем геноцида армянского народа. Сблизил узнал, как в ноябре 1915 г. Лиману фон

Сандерсу удалось воспрепятствовать массовой депортации армян из Смирны¹⁷. Удача маршала показала, что при доброжелательном отношении к немецко-турецкому братству по оружию было возможным сделать для армян больше, чем это делалось на самом деле. Опыт Смирны послужил причиной и дал Фирбюхеру право с большей настойчивостью поднять вопрос о немецкой ответственности, что не делалось до него и после.

Под заголовком «Жертвы Ближнего Востока» центральный орган СП «Vorwärts» («Вперед») напечатал жалобу Фирбюхера об «аде человеческого зверства» и «потоках армянского горя, которые, протекая от Стамбула, Трапезунда, Сиваса и Эрзрума, превратились в грандиозно-страшную симфонию неслыханного страдания»¹⁸. О страшных картинах, которые преследовали Фирбюхера многие годы, свидетельствует его книга «Армения, 1915»— единственная большая работа, какую он когда-либо опубликовал.

Он недвусмысленно заводит речь о сопричастности кайзеровского государства и справедливо бичует внутреннее состояние той несчастной немецкой «реальной политики», для которой имели значение «только осязаемое, только исчисляемое в цифрах торговые балансы, число отрядов и броненосцев, а требования гуманизма, если не отодвигались в сторону высокомерной улыбки как фантазии «идеологических» мечтателей, то признавались своего рода декоративной ценностью»¹⁹. Не случайным было, что несмотря на господствующее положение Турции в Лиге наций, один из известных представителей организованного пацифизма напомнил о судьбе и страданиях армянского народа.

Немецкое движение за мир (НДМ), которое свою деятельность с самого зарождения всегда связывало с борьбой за полное освобождение человечества, уделяло большое внимание армянскому вопросу и стремилось разъяснить немецкой общественности бесчеловечную политику турецких правителей²⁰. Таким образом действовали и личности (как марбургский геолог Мартин Раде), которым были близки пацифистские идеи. В выпускаемом им еженедельнике «Христианский мир», в «Евангелической газете общины для образованных сословий» еще в октябре 1894 г. писалось об армянах²¹. Разумеется, на статьи об «армянской церкви под турецким господством» мало кто обратил внимание. Тем не менее Раде опубликовал рассказ «Достоверного очевидца» в январе 1896 г. о резне девятидесятых годов, вышедших впервые на немецком языке. Сам Раде в одном вступительном тексте охарактеризовал «судьбу армянских братьев под тиранией полулуну» как «прискорбную» и пояснил, что ни в коем случае «нельзя сомневаться» в миролюбивом характере армянского на-

рода²². И в следующих выпусках 1896 г. газета пыталась обратить внимание на «фанатичную систему уничтожения турецких господ»²³. Одновременно газета призывала своих читателей пожертвованиями помочь облегчить бедственное положение оставшихся в живых. «Христианский мир» обратился к широкой аудитории с опровержением тех статей в прессе, в которых турки пробовали морально снять с себя обвинение в ущерб армянам²⁴. Призвав к совести, Раде констатировал: «Безразличие европейского христианства к преследованиям христианских армян является грехом и позором»²⁵.

В сотрудничестве с Фридрихом Вильгельмом Ферстером, под редакцией Р. Пенцига и Кроненберга, еженедельник „Ethische Kultur“ («Этическая культура»), напомнил о преступлениях 1895—96 гг., который, как и орган „Gesellschaft für ethnische Kultur“ («Общество этической культуры»), основанный в 1829 г. Вильгельмом Ферстером, поддерживал деятельность движения за мир. Кроненберг доказывал, что по достоверным сообщениям «перед глазами турецких властей и частично при их содействии вырезали около 300 000 армян всех возрастов и полов как диких зверей». И «не было секретов, что откровенной целью этих боен было полное уничтожение армянского народа». Правда, Турцию смущало растущее внимание Европы, но «и после этого она не отказалась от цели уничтожения, а только изменила методы, которые вели к этой цели. Убивали уже не массы, а больше отдельно и маленькими группами»²⁶.

Отто Умфрид, священник из Штутгарта и долгие годы президент НОМ, в связи с боями 1895—97 г. высказал мнение, что «неронские жестокости были детской игрой по сравнению с теми преследованиями христиан, которые обрушились на Армению в конце 19-го века под руководством Абдул-Гамида»²⁷. Умфрид выступил не только против введения в заблуждение общественного мнения большей частью немецкой прессы. Он также клеймил позором позицию кайзеровского правительства и «почти полное молчание представителей нашего народа». Ни один депутат рейхстага, продолжает Умфрид, не нашел подходящего слова против того, что творилось. Никто не выступил в защиту страшно надруганных человеческих прав. А когда в прусской палате парламентаров политически почти мертвый депутат обратился к министру по поводу высылки армянина Туманяна из Германии, ему был дан такой ответ: «Мы находимся в дружественных отношениях с Турцией, особенно с ее верховной властью, и не потерпим, чтобы внутри Германии о тамошних событиях говорилось в форме, оскорбляющей Турцию»²⁸. Сегодня возни-

кает вопрос, когда же хоть один депутат немецкого бундестага заведет речь в парламенте о том, что Германия своим молчанием в Европейском Совете отодвигает назад признание истребления армянского народа в 1915 г.?

Также международное движение за мир со времен VII всемирного конгресса за мир в Будапеште (сентябрь, 1896) постоянно занималось событиями, происходящими в Армении²⁹. Большое место занимали обсуждения армянского вопроса на XI всемирном конгрессе за мир в Монако (апрель, 1902). Француз Пьер Кийар, уполномоченный армянскими студентами Парижа и редактор журнала «Pro Armenia», описал «душераздирающую картину страшных преследований, которым подвергались армяне в последние годы со стороны турок. С 1874 до 1897 гг. были истреблены более 300 000 армян (мужчины, женщины и дети)». Конгресс единодушно принял резолюцию, которая «настоятельно» просила страны-участницы Берлинского конгресса (1878 г.) «в Гааге объединиться в официальную конференцию с целью решения армянского вопроса с помощью использования проектов реформ 1895 г.». Кроме того, так как в области Сасун опасались новой резни, от европейских великих держав требовали «послать консулов из соседних городов в Муш, поскольку уже присутствие официальных европейских свидетелей казалось достаточным, чтобы помешать повторению кровавых событий, которые возбуждали всеобщее негодование»³⁰.

Всемирные конгрессы за мир последующих лет, по примеру месячника «Friedensblätter» О. Умфрида, органа НОМ до 1914 г., также занимались «ужасными страданиями разных национальностей турецкой империи»³¹. Снова и снова сторонниками мира направлялись обращения к великим державам с требованием осуществить обещанные армянам реформы и гарантии. Они напоминали текст 61-й статьи Берлинского конгресса, по которой Европе принадлежит право «гарантировать и защищать жизнь и имущество, личную безопасность, свободу движения и свободу совести армянского населения»³². Немного позже, в июне 1902 г., в Брюсселе заседал «Конгресс друзей Армении». Председательствовал бельгийский политик и пацифист Шарль Узо де Лее, который в своей вступительной речи выразил надежду, что конгресс обязует государство, наконец, заняться угнетенными армянами³³. Во встрече вместе с влиятельными представителями различных партий из разных стран принимали участие многочисленные пацифисты, такие, как барон д'Эстурнель де Констан³⁴, бельгийский специалист по международному делу, социалист Генри Ла Фонтен³⁵, живущая в Париже писательница Каролин Северин, баронесса Т. П. де Вацклевич и многие другие.

П. Кийар снова подробно остановился на «действиях» турецкого правительства. Он подчеркнул, что намерением турецкого правительства является «полное искоренение» армян, а Европа не собирается вмешиваться. Конгресс, среди прочего, поручил создать международную комиссию по «армянскому вопросу, проводить пропаганду в парламентах, в прессе и повлиять на общественное мнение»³⁶. Ранее были созданы комиссии, которые должны были выработать практические предложения. В этих комиссиях были представлены известные противники войны, такие как Берта фон Сутнер из Австрии, д'Эстерналь де Констан из Франции, сенаторы Узо де Лее, президент 6-го Всемирного конгресса за мир в Антверпене (1894) и Ла Фонтен из Бельгии, Е. Т. Монета (1833—1918) из Италии. Людвиг фон Бад³⁷, Август Бебель, Эдуард Бернштайн и Вильгельм Форстер были избраны из Германии.

В канун второй мировой войны евангелический пастор Эвальд Штир в пацифистской газете «Ethische Rundschau», выпускаемой под редакцией Магнуса Швантье, указал на то, что «и во времена младотурецкого господства не было иначе» и «убийство, грабеж, разбой, жестокое надругательство над армянами являлись хлебом насущным»³⁸. В период мировой войны, которая дала возможность Турции полностью отказаться от своих обязательств перед европейскими державами в армянском вопросе, Люси Геш-Эрнст³⁹ в ноябре 1915 г. предложила следующую резолюцию лейпцигскому общему собранию НОМ: «Собрание выражает свою симпатию ко всем угнетенным народам, особенно к армянскому народу и просит германское правительство в интересах человечества повлиять на союзную Турцию»⁴⁰.

Разумеется, наблюдательный полицейский не допустил голоование за эту резолюцию. Текст был изменен так, что его первоначальный смысл был почти неузнаваем⁴¹. При таких обстоятельствах все старания движения за мир направить интерес общественности на факт уничтожения армянского народа были обречены на крах⁴².

То же самое случилось с экспрессионистским писателем Армином Т. Вегнером, которому удалось сделать сто снимков, отражающих жестокости турецких действий⁴³. В октябре 1915 г. во время отпуска с выездом на родину он пытался в Берлине расшевелить иллюзии немцев и вступил в контакт с представителями прессы. Теодор Вольф, главный редактор «Berliner Tagesblatt» («Берлинский ежедневник»), сначала его вообще не принимал⁴⁴. Иначе было поведение Максимилиана Хаардена, ответственного редактора еженедельника «Zukunft» («Будущее») и Хельмута фон Герлаха, главного редактора «Welt am Montag» («Мир в по-

недельник») и одного из ведущих руководителей организованного пацифизма. О посещении Вегнера Х. Ф. Герлах сообщает: «Он приехал прямо из Турции и был полностью потрясен совершенными зверствами над армянами, которые он видел своими глазами. Турецкий фанатизм творил неопишное. Мы, немцы, должны выступить против этих бесчеловечных действий, если, как союзники, не хотим завоевать репутацию совинности». В отличие от Т. Вольфа, Х. Ф. Герлах взялся за это дело. В швейцарской газете он нашел подтвержденные немецкими авторами сообщения о резне⁴⁵. «Церковные круги всего мира,—продолжает Герлах,—хлопотали, чтобы остановить резню христианского народа. Я прочитал трогательные сообщения немца Лепснуса. Нет сомнения—самое ужасное в мировой войне происходило в Турции. Наш союзник систематически приказом сверху истреблял армян. Никто не был пощажён—ни мужчины, ни женщины, ни дети. Все это было так ужасно, что даже Пауль Рорбах, ярый сторонник войны, который по собственному опыту знал высокую культуру армянского народа, порой отказывался от своей иной раз активной военной пропаганды, так как то, что делалось с армянами, он находил невыносимым. Но Германия молчала. Цензура закрывала нам рот. На пресс-конференции было отмечено «нежелательным» обращать внимание на преследование армян. Да, нельзя хвалить все, что творится в Турции, говорили там, но и осуждать не следует из уважения к союзнику, который очень чувствителен к вмешательству в свою суверенность. Так что, лучше будет молчать».

Но не все молчали. «Deutsche Tageszeitung» напечатала гнусную провокационную статью против армян. Тут лопнуло терпение даже самого представителя министерства иностранных дел. Граф Ведель, выступая на пресс-конференции, выразил свое сожаление по поводу такого надругательства над правдой. «Мы все ведь знаем, что в Турции творится что-то нехорошее. Но мы не должны бросать вызов всему миру, при этом еще и обвиняя жертв. Огромная масса немецкого народа так и не узнала, что узнал весь мир—это то, что самые страшные убийцы людей были наши союзники—турки»⁴⁶.

После первой мировой войны, когда распались цепи цензуры, Вегнер получил поддержку со стороны „Bund Neues Vaterland“, который его труд «Преступление часа—преступление вечности» напечатал в виде брошюры в номерах 29/30⁴⁷. Максимилиан Хаарден, который с осени 1914 г. был тесно связан со стремлениями движения за мир, в связи с процессом над Тейлеряном⁴⁸ посвятил два выпуска своего журнала «Zukunft» событиям в Турции. Имея широкие связи с представителями господствующих

кругов, в отличие от Лепсиуса он объявил: «После всего этого пусть никто не рассказывает нам небывлицы, что из Берлина пытались предпринять какой-либо серьезный шаг, чтобы помешать зверству»⁴⁹. Франц Карл Эндре, который в качестве начальника генерального штаба пятой турецкой армии служил под командованием Лимана фон Сандерса на Дарданеллах, вследствие пережитого на войне, а также потрясенный резней христиан и страшной нищетой турецких солдат, стал пацифистом. Он ничуть не сомневался, кто должен был отвечать за армянские ужасы. Эндре, османский майор вне службы, из-за этого лишился пенсии от Турции. Тем не менее в «Weltbühne» он завел речь о «резне турками миллиона двухсотпятидесяти тысяч армян и сотен тысяч греков»⁵⁰.

Еще до 1914 г. принц Макс, брат саксонского короля и профессор католической теологии в университете Фрайберга (Швейцария), активно полемизировал по вопросам истории и культуры Армении. В рамках движения за мир, он, как оратор, выступал за своих армянских братьев по вере так страстно, «как мог только человек его происхождения и влияния»⁵¹. После 1918 года он содействовал «Организации межконфессиональной помощи армянам», одиннадцатая брошюра которой составляла «Обращение к досточтимому католическому духовенству и его общинам с призывом помощи армянам для спасения их от голодной смерти»⁵².

Мартин Нипаге (1886—1963), когда-то преданный немецкому кайзеру, после первой мировой войны стал членом НОМ. Будучи старшим преподавателем немецкой школы в Алеппо, он в 1915—1916 гг. обращался в министерство иностранных дел, к рейхсканцлеру, а также к руководящим политикам, чтобы спасти армян от верной смерти. Однако безуспешно. В своей докладной записке «Обращение к компетентным представителям немецкого народа»⁵³, он, исходя из собственного опыта, обращал внимание на события в Армении. В августе 1916 г. заместитель главного командования IV-го армейского корпуса в Магдебурге конфисковал его сочинение. Но Нипаге не замолчал об ужасах. 2 марта 1931 г., уже будучи директором средней школы реальной гимназии Штреземана в Гамбурге, он выступил с докладом «Об армянской резне в свете пацифизма». Организатором была местная группа НОМ Харбург-Вильгельмсбург. В отчете о собрании говорится: «Зал был переполнен. Многим не удалось попасть в зал... К сожалению, эта армянская трагедия еще совсем неизвестна в Германии, несмотря на то, что она совершена, чтобы сделать нас всех верными защитниками человеческих прав... Так как каждый пацифист думает об Армении, то все ее противники должны молчать»⁵⁴.

Но «противников» было много. Когда А. Т. Вегнер в 1919 г. прочел доклад в берлинской «Урании», его рассуждения взволновали немецкие националистические круги и поднялся большой шум⁵⁵. А «Германия», центральный орган партии Католического центра, в 1931 г. вытащил на свет божий давно забытую турецкую легенду о «затеваемом со стороны России и Англии армянском восстании в восточных провинциях Турции»⁵⁶. Выпускаемый Эрнстом Тразольтом католически-пацифистский ежемесячник «Vom frohen Leben» («О радостной жизни») отверг это изложение как «легенду» и разъяснил: «Мы так подробно трактуем уничтожение армянского народа, потому что мы еще раз убедились, как мало знают об этом в Германии, и потому что немецкая пресса ничего не делает, чтобы распространить правду о мировой войне, обо всем том, что с ней связано. Мы считаем нашим долгом помочь затравленному христианскому армянскому народу, который во все времена был близок к христианской совести и человеческому сердцу сокрушительной силой бесконечной боли, тем, что мы... в свете исторической правды покажем систематическое истребление целого народа младотурецким правительством» (А. Т. Вегнер)⁵⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ср.: Обсуждение Г. Веберга в: „Fridens Warte“, XXX изд., июль/август 1930, с. 255; цитата на обратной стороне обложки взята из этой рецензии.

„Denkt an Armenien“,—так называется обсуждение Отто Райнемана в полумесячнике „Die Friedensfront“ —органе Союза противников войны, 2-е изд., № 13, с. 3, 1 июля 1930: здесь «дается краткое, но исключительно поучительное описание глупейшей политики Вильгельма II и его капиталистических советников (Немецкий банк) по Багдадской железной дороге, политика, которая нашла энергичную поддержку не только у пангерманских демократов, но и у демократов (Науман, Порбах, Екх).

2 Severinus, Die größte Christenverfolgung der Weltgeschichte“. В: „Rhein-Meinische Volkszeitung“, 60-е изд., № 105,6 мая 1930 г. (Общий вып.). Отрывок из этой статьи под рубрикой „Buchbesprechung“ был опубликован в: „Das andere Deutschland“, 10-е изд. № 20, с. 7, 17 мая 1930 г.

3 Была напечатана под заглавием „Von der Vernichtung des armenischen Volkes“. В: „Fridens Warte“, XXX изд., июль/август 1930, с. 205 ff.

4 Сообщение о собрании местной группы НОМ Хайде Голштайн от 24 мая 1930 г. в: „Deutsche Zukunft“. Орган Северо-немецкого рабочего союза НОМ, 7-е изд., № 11, с. 4, 1 июня, 1930 г.

5 Ср. также: Karl Pailinger, *Der verleugnete Genozid. Die Hintergründe des armenischen Terrorismus*. В: „Zukunft“. Социалистический журнал о политике, экономике и культуре (Вена), ноябрьский вып., 1984, с. 37—41. Паллингер-социалистический деятель и бюргермайстер Поттендорфа пишет: «Ни одно турецкое правительство не признало геноцид с 1915 по 1917 гг. как государственную вину. Репертуар отрицания начинается с хладнокровного отрицания вины отдельных личностей как Талаата-бея и доходит до вопиющей фальсификации истории. Экевит тоже доказывает немецким парламентарам, что турецких караульных команд не хватало, чтобы «защитить депортированных армян от нападений местных курдских племен и турецких крестьян» (Т. Гофманн). Чувствительность турецких правительств в этом вопросе неизменно эндемична, но она полностью соответствует духу тех государств, в чьих двусторонних интересах Турция является важным политическим и милитаристическим партнером. Можно привести много примеров, когда старались не обидеть Турцию в связи с армянским вопросом... Для выяснения, когда и где в связи с армянским народом звучит слово «геноцид», турецкие послы вызываются в Анкару для консультаций, турецкие делегаты протестуют на заседаниях ООН—и всегда добиваются желательных опровержений. У них просят извинений, сомнительные пассажи в официальных заявлениях просто вычеркиваются. Турция является важным партнером в союзе НАТО, осложнения, мешающие этому союзу, нежелательны. Армяне этого никогда не поймут, и это естественно. Сравнение судьбы их народа с покорением прошлого после 1945 г. для них ведь неизбежно. После 1945 г. международные трибуналы осудили виновников нацистских зверств—от маршала и министра до шарфюреров СС; европейские суды до сих пор судят преступления против человечества, совершенные в нацистское время; по международному праву узаконено материальное возмещение; библиотеки наполнены литературой о нацистском времени и преследованиях евреев. И на конце национал-социалистического холокауста стояло государство Иерусалим. Сравнения с покорением прошлого для армян излишни. Покорения нет или есть только в той области аутсайдерства, где кровь невинных жертв компенсирует историческую вину турецкого правительства. В августе этого года в Лозанне состоялся всемирный армянский конгресс. Были вновь предъявлены претензии к старой части западноармянской родины, остро критиковались террористические методы АСАЛА. Но это вряд ли повлияет на армянскую секретную армию, и террор будет продолжаться».

6 Бременская конференция в апреле 1985 г. «Геноцид и истребление», посвященная 70-летней годовщине геноцида над армянским народом и другими восточными христианами в Турции, показала, как мешают распространению информации о судьбе армянского народа в ФРГ. Вмешательства из Турции и Министерства иностранных дел побудили ученого члена сенатора Бремена «конфисковать» тираж бременского „Landeszentrale für politische Bildung“ и запретить руководителю центрального органа участвовать в пресс-конференциях, несмотря на то, что тот был одним из организаторов

конференции. Отклики в прессе об этих событиях, а также обсуждение в «Бременском парламенте» собраны в составленной мною брошюре „Armenierdeutsch behandelt. Dokumentationen zur Bremer Konferenz „Genozid und Holocaust“ (19—24 April 1985)«, Бремен, 1985. Какое сильное давление было оказано, чтобы запретить показ по телевидению 24.04.86 г. фильма Ральфа Джордано, описывает изданная «Армянским культурным обществом в Гамбурге» брошюра под заглавием „Der Völkermord an den Armeniern. Festabend zu Ehren von R. Giordano am 4 Oktober 1986 im Hamburg“ с приложением текста Р. Джордано для теледокументального фильма „Die armenische Frage existiert nicht mehr. Tragödie eines Volkes“ (ARD 21 апреля 1985). Обе брошюры были изданы в издательстве Донат и Теммен“.

7 Ср.: A. Vierbücher, *Unser Weg*. В: „Das andere Deutschland“, 11-е изд. № 31, 1 августа 1931 г.

8 Ср.: H. Donat/L. Wieland (Hg.), „Das andere Deutschland“. Независимая газета решительной республиканской политики. Подборка (1925—1933) с предисловием И. Кюстера, Кёнигштайн (Тс., 1980, с. XXX ff.). «Пассивное сопротивление» в конце сентября 1923 г. было сломлено. Г. Фирбюхер сообщает: «Накануне в Гельзенкирхене меня спустили с трибуны, потому что я выступал против старого Ледебёра, который был за продолжение рурской борьбы и считал ее «фазой мировой революции». Я вернулся в Берлин и начал заниматься торговлей. Естественно, в этой области не завоевал «лавровые венки».—Подтверждение см. примеч. 7.

9 Ср.: F.K. (= F. Küster, *Aus unserer Kampfzeit*. Heinrich Vierbücher, В— „Das Andere Deutschland“, № 6, 1960, с. 8, конец марта 1960 г.

10 Для характеристики названных газет ср. записи в: Г. Донат, Г. Холл «Die Friedensbewegung». Организованный пацифизм в Германии, Австрии и Швейцарии. С предисловием Д. Лоттмана, Дюссельдорф, 1983; то же самое относится к большинству лиц, названных в предисловии и в примечаниях, а также к другим издательским органам движения за мир.

11 За сведения о Г. Фирбюхере я благодарен Хайнцу Крашутцки (+), Ингеборгу Кюстеру (Виперталь), Шарлотте Леонард (Любек) и Людвигу Вольфу (Эттинген). Особенно примечательно, что пишет Л. Вольф о Фирбюхере: «Без преувеличения, по моим понятиям, он был лучшим оратором веймарского времени. Ни один из тогдашних «тузов»—от Йозефа Вирта, Штретемана, Куртиуса, Вестарпа, Брайтшайда, Криспиена, Торглера до Сейдевича, не приближался к нему своим ораторским искусством. Самоучка, невероятно начитанный и очень одаренный, обладающий удивительными умственными способностями, все ясно обдумывающий и также высказывающий, он с трибуны увлекал всех за собой. Я его никогда не видел с рукописью, у него все было в изобилии. Я всегда до выступления заглядывал в конспекты всех ораторов, т. е. ценил разработку темы, все равно, какой окраски они бы ни были. У Фирбюхера же построение было интуитивным. В конце его выступления зал дрожал. Должно быть так работал великий оратор Дантон. Описание Ламартине точно подходит Фирбюхеру. И по внешности он был очень внушительным. Крупный, сильный, с львиной гривой, его взгляд охватывал

всех: а голос! Одним словом—народный трибун» (Л. Вольф—Г. Донату, 5 февраля 1985 г.).

12 Антифашистское сопротивление, которое «Западногерманский земельный союз» НОМ вместе с Кюстнером и Фирбюхером в качестве ораторов впервые организовал весной 1924 г. и снова возобновил его осенью 1929 г., ср. введение «Das andere Deutschland» в борьбе за правду, справедливость, свободу во всем мире» в: Г. Донат, Л. Виланд, «Das andere Deutschland» (1925—1933), в цит. соч. с. XXX—XXXIV и с. XLVI—LVII. Об ораторских сражениях в 1924 г. Фирбюхер среди прочего в своей уже названной статье «Unser Weg» в августе 1931 г. писал: «Все было рискованно и многое завоевано. Я вспоминаю о том большом ударе, который мы нанесли «Deutscher Tag» в июне 1924 г. и который привел к победам. Это были удары дубинкой против подстрекателей войны, которые тогда формировались под Лудендорфом. Если бы тысячи, которые приветствовали нас с возгласами ликования, с тех пор боролись вместе с нами, если бы сотни тысяч, которые повсюду были воодушевлены, были бы молодцами, сегодня в Германии могло быть лучше».

13 Сотрудниками газеты, под главной редакцией Фирбюхера, среди прочих считались Отто Браун, Адольф Дамашке, Артур Криспиен, Эмиль Фельден, Хельмут фон Герлах, Эрнст Леммер, Отто Леманн-Русвюлдт, принц Лёвенштайн Хубертус, Генрих Манн, Людвиг Квидде, Филипп Шейдемани, Тони Зендер, Карл Северинг и Оскар Штилик. Наряду с многочисленными передовыми статьями Фирбюхер, среди прочего, опубликовал «Kriegsopfer der Armenier». В «Alarm», 4-е изд., № 18, с. 6, 5 мая 1932 г. Подборку статей из антифашистской газеты «Alarm» готовит к публикации издательство Донат-Теммен.

14 Описание опирается на «Wahrheitsgemäßen Erklärung» Вальтера Хаммера от 12 августа 1956 г.; копия стала мне доступной благодаря дочери Г. Фирбюхера. Хочу особенно поблагодарить фрау Саломею Фирбюхер также за ее готовность передать мне сведения о жизни и судьбе ее отца.—Ср. также: А. Бандел. «Heinrich Vierbücher». В «Das andere Deutschland», № 10, 1960, с. 8, конец мая 1960 г.

15 Жена Фирбюхера в двадцатые годы в Берлине устраивала «Вечеринки для знаменитостей кино, театра и литературы». Поэтому к кругу друзей семьи относились и такие личности, как Марта Эггерт, Ян Кипур и режиссер Рольф Губолд. Сам Фирбюхер дружил с Эрнстом Фридрихом и Эрихом Мюзамом. Сведения фрау С. Фирбюхер (Херне), 25 октября, 1986.—Ср.: также статью: «Ein Leben für die Kunst. Durch Kriegs- und Fluchtwirren rettet Berlinerin „Reiter Studie“». В «Ruhr-Nachrichten» (Дортмунд), 3 января 1963 г.

16 Как и его три брата, Г. Фирбюхер тоже состоял в СПГ. Карл Фирбюхер, будучи до 1933 г. в Берлине руководителем «Roten Falken» и впоследствии избитым фашистами, после 1945 г. занимал руководящий пост в школьном ведомстве в восточном Берлине. Северин Фирбюхер после второй мировой войны тоже жил в ГДР, где стал руководителем ДЕФА. Эрнст Фирбюхер в 1939 г. в Данциге основал сыскное бюро. Справка С. Фирбюхер, 25 октября 1986 г.

17 Ср. документы в недавно переизданной книге Йоганеса Лепснуса «Deutschland und Armenien 1914—1918 г.». Собрание дипломатических документов. С предисловием Тессы Гофманн и с послесловием М. Райнер Лепснус, Бремен, 1986, с. 300—304.

18 H. Vierbücher, Opfer des Orients, В: «Vorwärts», 37-е изд., № 61, 10 августа 1920 г. (Вечерн. вып.).

19 M. Kronenberg, Ein unglückliches Volk. В: «Ethische Kultur». Ежедельник о социально-этических реформах, X-е изд., № 32, с. 249, 9 августа 1902 г.

20 В выпускаемом Б. Ф. Суттнером ежемесячнике «Die Waffen nieder!» для содействия движению за мир и одновременно официальном органе Службы межпарламентских конференций, Интернационального бюро за мир в Берне, Австрийского общества сторонников за мир и НОМ помещены статьи, сообщения, корреспонденции и точки зрения об армянском вопросе, ср., например: «Das Gemetzel von Trapezunt» В 4-м изд., № 12, с. 459, декабрь 1895 г.; 5-е изд., № 10/11, с. 366 f., октябрь/ноябрь 1896 г. (здесь сообщение о дискуссии на VII Всемирном конгрессе за мир в Будапеште, где особенно надо выделить высказывания англичанина Джеймса Каппера; 5-е изд., № 10/11, с. 406, октябрь/ноябрь 1896 г.; 5-е изд., № 12, с. 450, декабрь 1896 г. и 6-е изд., № 8/9, с. 334, август/сентябрь 1897 г. (речь идет полностью о статьях Б. Ф. Суттнера в его «Zeitschau»); если подойти критически, то особенно захватывающим является протест французского поэта и писателя Эмиля Бергерата, вышедший под заглавием «Die armenische Gräuel» в журнале «Waffen nieder?» 6-ое изд., № 3, с. 91, март 1897 г.

21 Статьи, принадлежащие перу «одного армянина», в «Christliche Welt» 8-е изд., № 40, с. 956—959, 4 октября 1894 г.; № 41, с. 981, 11 октября 1894 г. и № 4, с. 1005—1008, 18 октября 1894 г.

22 «Gräuel in Armenien».—В «Christliche Welt», 10-е изд., № 4, с. 80—88, 23 января 1896 г.

23 M. Rade, Armenien—В «Christliche Welt», 10-е изд., № 24, с. 569 f. 11 июня 1896 г.

24 M. Rade, Die Wahrheit über Armenien. В «Christliche Welt», 10-е изд., № 34, с. 800, 20 августа 1896 г. В выпуске от 10 сентября 1896 г. Раде утверждает: «Над Арменией начинает всходить заря. Число немецких газет и журналов, которые воздают должное истине, растет».

25 M. Rade, In Sachen der Armenier. В «Christliche Welt», 10-е изд., № 2, с. 463—466, 14 мая 1896 г. И в последующие годы «Christliche Welt» продолжает сообщать о положении в Армении: ср.: Ewald Stier, Die Entrechtung der armenischen Kirche. В «Christliche Welt», 17-е изд., № 46, с. 1093 ff., 12 ноября 1903 г.

26 Подтверждение см. в примеч. 19.

27 O. Umfrid, Die armenischen Greul und Friedfertigkeit des Orients. В том же «Friede auf Erden». Рассуждения о мире для народов, 2-е изд., Эсслинген, 1898, с. 93.

28 Там же, с. 93. Это был Умфрид, который после доклада в сентябре 1896 г. о положении армян побудил собрание штутгартских сторонников за

мир принять резолюцию, где местная группа НСМ среди прочего заявила, что они выражают свою искреннюю симпатию к истекающему кровью из тысяч ран армянскому народу», «резко осуждают действия турецкого правительства» и «очень сожалеют о политике европейских держав, проводившейся в корыстных интересах, которые своим безразличием делают себя совиновниками в растоптании армянского народа».

29 О содержании и действии речи Дж. Каппера в сообщении о VII всемирном конгрессе за мир говорится: «Многочисленные войска, страшные оружия, якобы предназначенные для установления и сохранения мира. Тем не менее шести миллионов солдат в Европе не хватило, чтобы предотвратить происходящий скандал на Ближнем Востоке, (аплодисменты). Здесь речь идет не о защите живущих на Востоке христиан, а о подтверждении человеческой любви. (Бурные аплодисменты). Мы не можем наблюдать, как убийцы топчут целый народ. Если один из ораторов на улице увидит, как озорники нападают на какого-то ребенка, он кулаками заступится в защиту мученика и если ему нужно будет лишиться жизни в бою, он это сделает охотно. (Оживленные аплодисменты и крики «браво»). Та же самая задача стоит перед конгрессом в отношении тех, кто на Востоке незаслуженно подвергнуты нападению. Поэтому от этого конгресса должно сильно и твердо исходить—нужно прекратить этот скандал! Как христиане, как люди, как сторонники мира все должны иметь это желание. (Бурные аплодисменты)». (Подтверждение см. примеч. 20). В заключительном заседании VII Всемирного конгресса за мир было принято «Воззвание к народам», где говорится: «Конгресс... среди прочего выражает чувство ужаса в связи с истреблением в Турции и поручает европейским державам без промедления предпринять меры, которые положат конец этому состоянию». Ср. также: Б. Ф. Суттнер, Метопген, изданные Л. Ф. Райнкенем. Предисловие Эвы Хелен Паулинг и Линуса Паулинга; издано в сб.: Э. Блюма и К. Ф. Райнкинга «Zeugen rihe Zeit. Erlebnisse—Berichte—Dokumente», 1965. с. 318.

30 Цитата из речи А. Х. Фрида, XI Всемирный конгресс за мир в Монако (2—6 апреля 1902 г.). В «Friedensblätter». Орган немецкого общества за мир, издаваемый О. Умфридом, 3-е изд., № 6, с. 67 f. Из доклада Фрида можно сделать заключение, что такие требования были выдвинуты также на IX и X всемирных конгрессах за мир (октябрь 1900 г. в Париже и сентябрь 1901 г. в Глазго). Ср. также доклад М. Гёлтцела (Гамбург), X международный конгресс за мир в Глазго (от 10 до 13 сентября 1901 г.). В «Friedensblätter», 2-е изд., № 12, с. 145, декабрь 1901 г.

31 Цитата из речи Р. Фельдхауза, XIII Всемирный конгресс в Бостоне. В «Friedensblätter», 5-е изд., № 23, с. 166, 1 декабря 1904 г.

32 Цитата из речи Р. Фельдхауза, Der Kongreß der Freunde Armeniens. В „Friedensblätter“, 3-е изд., № 8, с. 98—101, август 1902 г.

33 Там же.

34 О его роли в движении за мир ср.: A. Wild, Baron d'Estournelles de Constant (1852—1924). Das Wirken eines Friedens—Nobelpreisträgers für die deutsch—französische Verständigung und europäische Einigung, Hamburg, 1973.

35 Генри Ла Фонтен (1854—1943), с 1907 г. президент совета интернационального бюро за мир в Берне, в 1913 г. был награжден Нобелевской премией мира.

36 Подтверждение см. примеч. 32.

37 О значении Л. Ф. Бара ср. соответствующую запись в: H. Wehberg, Die Führer der deutschen Friedensbewegung (1890—1923)*, Лейпциг (1923), с. 34—37. (Периздание: Нью-Йорк—Лондон, 1972).

38 E. Stier, Die Lage der Armenier. в „Ethische Rundschau“, 2-е изд., 9-й выпуск, с. 157, сентябрь 1913 г.

39 Люси Геш-Эрнст была членом союза женщин в Рейн-Вестфалии и председателем дортмундского союза «Женское образование—женское ремесло». Во время первой мировой войны подвергалась постоянным преследованиям военных властей из-за своей пацифистской деятельности. Ср.: L. Quidde, Der deutsche Pazifismus während des Weltkrieges 1914—1918, изданная К. Холлом в сотрудничестве с Г. Донатом. Бонпард на Рейне, 1979, с. 355, 359.

40 Там же, с. 350.

41 Квидде передает точный текст: «Далее собрание выразило свою симпатию ко всем угнетенным и поруганным народам, особенно к армянам и к русским евреям; оно потребовало от правительства «в интересах человечества оказать помощь». Там же, с. 87.—Итак, не было разрешено потребовать от кайзерского правительства специально заступиться за сторонников армян и в этом смысле влиять на турецких союзников.

42 В издаваемом А. Г. Фридом «Friedens-Warte» были опубликованы три документа относительно „Die armenischen Greuel. (Friedens-Warte“, 18-е изд., № 11, с. 321—324, ноябрь 1916 г.). Правда, летом 1916 г. в Германии журнал был запрещен.

43 Некоторые из этих снимков были перепечатаны в: E. Friedrich, Krieg dem Krieg, Берлин, 1924, с. 152. В издании воспоминаний о Вегнере прежде всего заслуга издательства Петера Хаммера (Вупперталь), который за последние годы напечатал три книги Вегнера и его биографию, написанную Р. М. Г. Никишом. Примечательна работа: M. Rooney, Leben und Werk A. T. Wegners, (1886—1978) in Kontext der sozio-politischen und kulturellen Entwicklungen in Deutschland, Франкфурт-на-Майне, 1984. О выходе Вегнера из КНИГ Рооней умалчивает, в частности, на одном мероприятии, 9 октября 1986 г., устроенном в бременском книжном магазине.

44 Беседа М. Рооней с А. Т. Вегнером (Рим, декабрь, 1972, запись на магнитофонной пленке). Только после первой мировой войны Т. Вольф пересмотрел свое отношение и в выпуске „Berliner Tagesblatt“ от 23 февраля 1919 г. напечатал „Offenen Brief an den Präsidenten der Vereinigten Staaten von Nordamerika, Herrn Woodrow Wilson über die Austreibung des armenischen Volkes in die Wüste ab“. И в последующие годы Вегнер выступал в защиту армян; он атаковал „враждебную политику нового турецкого правитель-

ства» в статье „Die Völkerbrücke. Zum Schicksal des armenischen Volkes“. В: „Des Syndikalist“, VII изд., № 1/1925 (приложение).

45 Г. ф. Герлах, очевидно, ссылается на отчет М. Нипаге и Э. Граетера в министерство иностранных дел, напечатанный в сокращенном виде с комментарием А. Фореля в «Bernier Tagwacht» (XXIV изд., № 188, 12 августа 1916 г.). Перепечатано также в книге В. Брайтса „The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915—16“, Лондон, 1916, с. XXXIII. (Новое издание: Бейрут, 1972 г.). Эдуард Граетер, швейцарец немецкого происхождения, как и Нипаге, работал учителем в немецкой школе в Алеппо. Позже он стал редактором „Baseler National-Zeitung“. Ссылку на статью из «Berliner Tagwacht» сделал также лауреат нобелевской премии мира А. Г. Фрид—17 октября 1916 г. Он в своем «Kriegs-Tagebuch» записал: «Сейчас я нахожусь в состоянии безумия и психоза. О зверствах над армянами до нас доходят страшные описания в брошюрах. На сей раз документы от немцев, от учителей немецкой реальной школы в Алеппо. Ужасы на полях битвы ничто по сравнению с этими невероятными описаниями. Армян тысячами обрекали на голодную смерть, на берегу, у воды, они умирали от жажды. Ежедневно из Алеппо выносят более ста трупов людей, умерших от голода». Многие до этого теряют рассудок. Одним разом вырезают 5000 людей; 3000 женщины и детей днями пешком гоняют к Евфрату и топят там. Каждый кто захочет спастись, будет убит. А немецкий гипер-христианин, уже достаточно часто здесь опозоренный пастор Трауб, этот священник любви к ближнему, на собрании в Мюнхене 18 сентября 1916 г. (см.: „München-Augsburger Zeitung“, вечер. вып. от 19 сентября) сказал тысячам собравшихся следующее: «Когда сегодня распространяются пропагандирующие за армян брошюры, мы должны сказать себе, что главное—верность отечеству, и если армяне не дорожат этим достоинством, то у нас нет оснований рьяно вступить за Армению». А. Г. Фрид „Mein Krieges Tagebuch“, т. III; третий год войны (с 1 августа 1916 г. до 28 июля 1917 г.), Цюрих, 1919, с. 60. О «Смертельных походах», названных Фридом, ср.: „Erlebnisse eines zwölfjährigen Knaben während der armenischen Deportationen“, Записала Тереза Лемани-Гаупт по устному рассказу мальчика. С приложением: «Наблюдения И. Лепсиуса об армянской резне». Потсдам, 1921 (новое издание брошюры с послесловием Г. Доната вышло в свет в 1985 г. в издательстве «Донат-Теммен»).

46 Н. V. Gerlach, Die große Zeit der Lüge, Шарлоттенбург, 1926, с. 82.— О военной цензуре ср. соответствующую главу в: Н. Gerlach, Von Recht nach Links. Предисловие и послесловие Э. Лудвига, Цюрих, 1937, с. 236—239 (Новое изд.: Франкфурт-на-Майне, 1987). Глава „Die armenische Frage und die deutsche Presse“ помещена в: J. Lepsius, Der Todesgang des armenischen Volkes. Отчет о судьбе армянского народа во время мировой войны, 3-е изд., Потсдам, 1927, с. 259—294. Совершенно очевидна склонность Лепсиуса оправдать немецкую прессу. Вовсе не критично он подтверждает, что «большая

пресса» «тоже в военное время сознавала свою ответственность перед правдой». Там же, с. 263.

47 Вышла в Берлине в 1922 г. (новое изд.—Гамбург, 1982). Во время первой мировой войны из-за протеста в связи с армянскими ужасами Вегнер военной администрацией был призван к порядку и в конце концов в декабре 1916 г. отозван из Турции. Ср.: М. Rooney, Leben und Werk A. T. Wagners, в цит. соч., с. 205. Из-за борьбы в защиту армянского народа Вегнер в 1918/19 гг. лишился должности редактора «Neuen Orient». Там же, с. 288.

48 Полный протокол процесса был напечатан под заглавием „Der Prozeß Talaat Pascha“. Стенографический отчет заседания суда над обвиняемым в убийстве Талаата-паши армянским студентом Согомоном Тейлеряном на суде присяжных III ландгерихта в Берлине. С предисловием А. Т. Вегнера и с приложением. Берлин, 1921. (Новое изд. опубликовано „Gesellschaft für bedrohte Völker“ в „Reihe programm“ под заглавием „Der Völkermord an der Armeniern vor Gericht. Der Prozeß Talaat Pascha“. Выпуск и введение: Т. Гофман, Геттинген, 1980).—Ср. также: М. Harden, Teilirian, В: „Die Zukunft“, т. 113, с. 273—294, июня 1921 г.

49 М. Harden, Zwischen Ost und West. Armenien in Moabit В: „Zukunft“, т. 113, с. 300, 11 июня 1921.—Так же, как и Лепсиус, М. Эрцбергер в своем „Erlebnissen im Weltkrieg“. (Штутгарт/ Берлин, 1920, с. 71—82, гл. 6: „Die Armenierfrage“) защищает мнение о том, что кайзеровская Германия сделала все, чтобы «предотвращать зверства». Эрцбергер, конечно, скрывает, что кайзеровская Германия сделала все, чтобы ввести в заблуждение немецкую общественность.—О вовлечении гогенцоллернского режима в события ср.: Ст. Степанян, Империалистическая политика кайзеровской Германии в отношении Западной Армении во время первой мировой войны. В: «Programm (10-е изд., № 61, с. 22—23, пер. с. рус. Т. Гофман). Г. Штюмер, „Zwei Kriegsjahre in Konstantinopel. Skizzen deutsch türkischer Moral und Politik“, Лозанна, 1917.—Уже в своем труде „Der Balkankrieg und deutsche Weltpolitik“ (Берлин, 1910, с. 45) австрийский социалист Отто Бауер утверждал: «Германия покровительствовала... истребление армян».

50 F. G. Endres, „Der neue Orient. Die neue Türkei“. В: „Die Welttühne“, 22-е изд., I № 18, с. 698, 4 мая 1926 г.

51 Iso Wagner, Prinz Max von Sachsen* (1870—1951) und Armenien. В противоречии с распространенными мнениями и взглядами в церкви и в государстве. Бремен, 1986, с. 23.

52 Брошюра напечатана в приложении 51 собрания упомянутого исследования.

53 В 1919 г. вышла в свет под заглавием „Eindrücke eines deutschen Oberlehrers aus der Türkei“. Сочинение будет напечатано в книге под названием „Aleppo, 1915. Zwei deutsche Lehrer im Kampf für das armenische Volk“. С текстами М. Нипаге и Э. Крастера, изд. и введение Г. Доната.—О службе Нипаге ср.: Т. Гофман „Das Verbrechen des Schweigens“, Слушание дела о

турецком геноциде над армянами на Постоянном Трибунале народов (Париж, 13—16 апреля, 1984 г.), Гёттинген/Вена, 1985, с. 99.

54 «Deutsche Zukunft», 8-е изд., № 7, с. 4, 15 марта 1931. 15 сентября 1931 г. местная группа НОМ Гамбург—Алтона снова пригласила Нипаге читать доклад. В отчете М. Миллера о собрании читаем: «На немцев, которые были единственной европейской нацией, еще имевшей представителей в Турции, упало пятно свинейности. Но у немецкого правительства было слишком много забот в Германии, чтобы энергично вмешиваться, а на все заявления с просьбой о человечности, турецкое правительство угрожало выходом из союза. Немецкие учителя, врачи и медицинские сестры старались помочь, но напрасно». «Deutsche Zukunft», 8-е изд., № 19, с. 4, 1 октября 1931 г.

55 Ср.: М. Rooney, *Leben und Werke A. T. Wegners*, в цит. соч., с. 312.

56 Dr. J. R., *Volk ohne Land und Recht. Armenier Elend*. В: „Germania. Zeitung für das deutsche Volk“. 61-е изд., № 13, 16 января 1931, вып. А/имперский вып.).

57 „Das blutige Kapitel des Weltkrieges“. В *Von frühen Leben*, 11-е изд., № 10/11 вып. с. 387, июль/август 1932 г. В статье с ссылкой на директивы, которые даны в вышедшей в начале 1917 г. цензурной книге немецкой прессы высшей инстанцией военных властей читаем (с. 388): «Немецкая фильмцензура все еще придерживается основных линий военной цензуры. Мы помним, как около полутора лет назад в одном из журналов читали, что в одном фильме было запрещено показать на экране много убитых армян. Некоторые камни в пустыне заставили убрать, потому что их могли бы принять за трупы армян».

—Написанная Альфонсом Эрбм статья „Der Krieg gegen die Armenier“ была напечатана в „Friedensheit“ ежемесячника „Von frühen Leben“. О традиционном участии движения за мир в судьбе армянского народа говорят также следующие работы: Рудольф Бродт „Kann und soll dem türkischen Volke das Selbstbestimmungsrecht gewahrt werden?“ В „Die Menschheit“. Орган союза борцов за интересы человечества, 7-е изд., № 9, с. 9 марта 1920 г.; Аугустин Хамол „Der soziale Krieg III. Die armenische Frage“. Там же 7-е изд., № 27, с. 1 июль 1921 г.; „Was geht in Armenien vor? Soll das armenische Volk ausgerotet werden?“. В „Allgemeine Rundschau“, политический и культурный еженедельник, изд. Георгия Моениуса, XXVII изд., № 12, с. 214, 22 марта 1930 г.; в своей книге „Italienische Reise“ (Фрайбург в бр., 1925 г., с. 394—397) Моениус пишет об «Армянах на острове Святого Лазаря». Также должен быть известен отчет Альфонса Керрса о своем путешествии из Венеции на остров Святого Лазаря, который был напечатан под заглавием „Armenische Eiland“. В „Berliner Tageblatt“, 49-е изд., № 279, 16 июня 1920 (вечерн. вып.). Керр изображает мнение патера Анхера (по-армянски Авгер), который в начале войны совершил дипломатическое путешествие в Германию, к Эрцбергеру. Они были друзьями. Патер говорил с ним о страшной массовой резне армян. Эрцбергер хотел по этому поводу сделать все,

что мог, но потом написал, что слухи об истреблениях преувеличены. Но они не были преувеличены... Это была не Германия, которая терпела грязное зверство турок, а только часть немецкого милитаризма. Анхер, как бы ему не было жаль, не скрывал, что немецкие офицеры не только просто наблюдали, но и участвовали в боях». В своем двухтомном труде „Sittengeschichte des Weltkrieges“ (Вена, 1930) ученый-сексолог и пацифист Магнус Хиршфельд подробно останавливается на армянских ужасах. Сообщение одного священника „Das Elend der Armenierflüchtlinge“ опубликовала пацифистская еженедельная газета „Die Menschheit“, которая была тесно связана с Ф. В. Ферстером, 14-е изд., № 9, с. 58, 4 марта 1927 г. В книге католического пацифиста и политика Витуса Геллера „Pontius Pilatus, Anas und Kaiphas und Weltkrieg“ (опубликованный в 1926 г. в вюрцбургском издательстве „Das neue Volk“) речь идет также об уничтожении армянского народа; подробности частично переизданы под заглавием „Pilatus und Mohamed“ в: „Das andere Deutschland“, 6-е изд., № 19, 15 мая 1926 г. В статье пацифиста Адольфа Вурмбаха «О турецких истреблениях во время мировой войны» говорится: «Не турецкий народ как таковой, а своеобразная чернь введена в действие, как делалось во всех странах и во все времена для таких позорных дел. Так как одна она извлекает какую-нибудь выгоду из этого, поэтому и является зачинщиком и завершителем этой позорной страницы истории. Та знатная чернь, которая постоянно играет ножом убийства и сегодня горит желанием, чтобы провозглашать бодрую и веселую бойню, везде одинакова, будь она сторонником учения Христа или Магомета». В: „Das andere Deutschland“, 6-е изд., № 31, 7 августа 1926 г.—В еженедельнике „Der Sozialist“, выпускаемом Рудольфом Брайтшайдом, где печатались многочисленные статьи представителей движения за мир, Вальтер Ойме опубликовал статью „Das traurige Kapitel des Weltkrieges“. 5-е изд., № 47, с. 742, 22 ноября 1919 г.—На позиции уважения к армянской культуре и солидарности с армянским народом в русле движения за мир тогда стояли многие немецкие авторы, чьи армянские образы не подлежат обсуждению. Ср.: *Krikor Melikyan*, *Zu Armenien fällt Herrn Krause nichtsein*. Армения в зеркале немецких авторов. В: „Zeitschrift für Literatur, Grafik und Kritik“, 25-е изд., том 3, с. 159—168, осень 1980 г., вып. 119; (выпущено как одно из многочисленных сообщений, которые собраны и обобщены Г. Меликяном в качестве заключительной части проблемы: „Armenischen Literatur, Kultur und Politik“ и трактованы надлежащим образом).

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Микаелян. Предисловие к русскому изданию	
Вальтер Фабиан. Предисловие	
Могильный крест	
Армянский Вильгельм Тель	
Красный и черно-бело-красный султан	
Пангерманские демократы	
Как нас обманули	
Бедный турецкий солдат	
Турецкие пашы и немецкие мечтатели	
Из истории Турции	
Армянский народ	
Пастор Нойман	
Свержение Абдул-Гамида	
Обманутые лидеры	
Младотурки у власти	
Турецкий империализм	
Призрак смерти	
Бродит ангел смерти	
Чертово ущелье	
Фурия неистовствует	
Показания госпожи Терзибашян во время процесса над Тейлеряном	
Зять Энвера-пашы—организатор массовых убийств	
Зять Талаата—тоже организатор массовых убийств	
Старый маршал	
Положим этому конец!	
Доля вины кайзеровского правительства	
«Обманутый народ»	
Приложение. Смертные приказы Талаата в префектуру Алеппо	
Гельмут Донат. Армянская резня в зеркале немецкого и международного движения за мир (1895—1933 гг.). Послесловие к третьему изданию «Армения, 1915»	
Примечания	

Редактор *Р. А. Багдасарян*

Художник *К. К. Кафадарян*. Худ. редактор *Г. Н. Горцакалян*.

Тех. редактор *Л. К. Арутюнян*. Корректор *З. Е. Аракелян*.

Сдано в набор 3.09.90 г. Подписано к печати 8.01.1991 г.

Формат 84×108¹/₁₆. Бумага № 1. Шрифт «Литературный».

Высокая печать. Печ. л. 6,0+2 вкл. Усл. печ. л. 5,68. Учетно-изд. л. 5,98.

Тираж 30 000. Заказ № 390. Изд № 8847. Цена 2 р. 50 к.

Издательство АН Армении 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 24.

Типография Издательства АН Армении, 375019, Ереван,

пр. Маршала Баграмяна, 24.